

ОШО — это еще одно имя празднования, еще одно выражение благословения. Он предлагает надежду и доверие, любовь и сострадание, бытие и осознание расе человеческой, одолеваемой силами разрушения и смерти, боли и страдания. Ошо — это приглашение испытать новый ритм жизни, новый танец, новый трепет в вашей жизни. Не знать Его — не узнать величайшего благословения.

Ошо

Мастер — это зеркало: тантрический экстаз единения.

ОШО — это еще одно имя празднования, еще одно выражение благословения. Он предлагает надежду и доверие, любовь и сострадание, бытие и осознание расе человеческой, преодолеваемой силами разрушения и смерти, боли и страдания. Ошо — это приглашение испытать новый ритм жизни, новый танец, новый трепет в вашей жизни. Не знать Его — не узнать величайшего благословения.

Вопрос 1.

Любимый Бхагван, Когда я прибыл в Грецию повидаться с Вами, все вокруг Вас сильно напоминало Зорбу, Сейчас, когда я нахожусь в Индии, мне кажется, что все вокруг Вас скорее напоминает Будду, Бхагван, связано ли это с нахождением в одном случае в Греции, а в другом — в Индии?

История человечества представляет собой трагедию.

Причина этого не так уж сложна. Ее нетрудно обнаружить, поскольку она в каждом. Вся история человечества создала расщепление в сознании человека. И внутри каждого человеческого существа постоянно идет настоящая гражданская война. Причина того, что вам так непросто живется, не является личной. Ваше заболевание — болезнь общественная.

При этом использовалась стратегия разделения вас на два вражеских лагеря: зорбу и будду, материалиста и спиритуалиста.

В действительности же вы неделимы и представляете собой гармоничное целое. Но сознание ваше отрицает эту целостность: вам надо бороться против своего тела! Если вы хотите быть духовным существом, тело должно быть побеждено, повержено, разрушено и замучено всеми мыслимыми способами.

Такая идеология была характерна для всего мира. Формулировки, используемые в различных культурах и религиях, могут различаться, но основополагающее правило одно: разделить человека, создать конфликт между его частями, так чтобы одна из них ощущалась как высшая, священная, и порицала собою другую как грешную.

Да трудность в том, что вы едины, и не существует способа разделить вас.

Любое разделение сделает вас несчастным. Любое разделение будет означать борьбу одной вашей половины с другой. Но разве может вам быть легко, если внутри вас не стихает борьба?

До сих пор все человечество существовало подобно шизофренику.

Каждый был расчленен на куски, на фрагменты. Ваши религии, ваши философии и идеологии вместо того, чтобы приносить умиротворение, воплощали собою коренные причины внутреннего конфликта и разлада. Вы ранили самое себя. Ваша правая рука ранила левую, левая — правую, и таким образом обе ваши руки оказывались ранеными.

Запад в конце концов последовал за Зорбой. Он не видел для себя иного способа остаться в здравом уме: одна часть должна была быть полностью разрушена, проигнорирована и забыта. Запад отверг реальность, существующую внутри человека, его самосознание: человек — это только тело без души, и его единственная религия — есть, пить и веселиться. Но то была лишь попытка достичь хоть какого-то примирения мысли, уйти от конфликта, прийти к какому-то решению, заключению. Ведь это означает принятие определенного единства: лишь материального, лишь телесного.

Иной путь избрал Восток, но основополагающая проблема осталась прежней. С точки зрения восточного выбора вы — душа, а тело ваше — иллюзия. Материи не существует, мир создан из того же вещества, что и мечты, так что не беспокойтесь о нем. Откажитесь от него, забудьте о нем — он не достоин вашего внимания.

Внешне кажется, что Восток и Запад занимаются разными вещами. Однако с точки зрения сущности они заняты одним и тем же — попыткой отыскать единственный разумный путь. Ведь наличие двух путей означает постоянную сложность и конфликт. Так не лучше ли отбросить идею одного из них?

Восток утверждает, что тело иллюзорно, что оно представляет собой лишь внешнюю форму,

ть, которая не является реальностью.

Запад объявляет сознание лишь побочным продуктом, не существующим самостоятельно, являющимся лишь проявлением. После смерти тела ничего не остается. Тело — это все, а ощущаемое вами сознание — просто комбинация всех его элементов.

Взять, к примеру, по отдельности все детали вашего автомобиля или ваших часов. Разве из них высвободится душа? Кто заставляет часы идти? Часы идут, а автомобиль едет просто в результате определенной комбинации деталей. И работа всех механизмов — это лишь побочный продукт. Соберите снова все детали часов, и они начнут тикать. Душа никуда не уходила — не было никакой первичной души.

Что касается меня, я полагаю, что в основе таких подходов лежит желание выбрать нечто одно, полагая другое иллюзорным, и таким образом обрести мир, спасающий от необходимости бороться, мучиться и пребывать в постоянном страхе перед поражением.

Почему же Восток и Запад сделали разный выбор? Это тоже важно понять.

В своем поиске единого бытия восточная мысль пыталась уяснить для себя, что же это за внутреннее сознание, о котором говорят все мудрецы, мистики и святые Востока, называя тело иллюзорным. Для нас тело представляется реальным, а сознание — это лишь слово. Но раз все святые Востока настаивали на том, что это слово «сознание» выражает нашу сущность, Восток предпринимает попытку выяснить, в чем же эта сущность заключается, прежде чем отдать предпочтение телесному.

Отдать предпочтение телесному является естественной тенденцией: тело здесь, уже проявленное в реальности. В то время как для обнаружения сознания необходимо отправиться во внутреннее путешествие.

Благодаря таким личностям, как Гаутама Будда и Махавира, Восток не мог отрицать искренности подобных людей. Их искренность была столь очевидна, их присутствие — столь впечатляюще, а слова — столь авторитетны, что это просто невозможно было отрицать. И тут не требовалось никакой аргументации: эти личности сами служили собственной аргументацией, доказательством собственной действительности.

И они были настолько преисполнены мира и радости, покоя и бесстрашия! Они обладали всем, к чему стремится каждый... причем так, будто не обладали ничем. Безусловно, они нашли источник внутри себя, открыли свою сокровищницу. И вы не можете просто отрицать это, прежде чем не потратите достаточно времени на внутренний поиск. Пока вы не обнаружите, что никакого сознания нет, вы не можете утверждать это.

Среди нас были такие благоуханные личности... Нам не видны были их розы, но благоухание их было столь велико, что Восток попытался заглянуть внутрь себя и обнаружил, что душа куда более реальна, тело же — лишь внешнее проявление.

И кстати, между прочим, современная наука пришла к выводу об иллюзорности материи, о том, что материи не существует и что она является лишь проявлением.

Но на Западе к подобному заключению пришли совсем иным путем. Тщательное изучение материи по мере все более глубокого проникновения в нее обнаружило ее уменьшающуюся субстанциальность. И после атома ее не оказалось вообще: остались лишь электроны, являющиеся частицами электричества, то есть энергии, а не материи.

Всего сотню лет назад Ницше заявил: «Бог мертв», не ведая, что через сто лет вся наука признает то, что Бог, возможно, жив, но материя мертва. Восток продвинулся внутренне и обнаружил, что телесное, материальное относительно нереально. Что истинная реальность принадлежит сознанию.

На Западе развитие происходило иначе. И тому есть причины. Восток имеет древнюю историю. У него за спиной по крайней мере десять тысячелетий непрерывного и

целенаправленного поиска внутренней сущности человека, поиска, которому был посвящен весь его гений.

Приблизительно пять тысячелетий тому назад, когда на Востоке были написаны «Упанишады», Запад еще не существовал как цивилизованное общество.

В Индии мы имели Мохенджо-Даро и Ха-раппу — города, существовавшие семь тысяч лет назад и достигавшие тогда высокого уровня развития... их улицы достигали ширины улиц современного Бомбея, а при каждой спальне была отдельная ванная комната.

И вы удивитесь, почему я упоминаю об этом: дело в том, что всего сто лет назад в Америке напротив бань располагалось судебное помещение, связанное с Верховным Судом.

И как же обрушилось христианство на первого, кто присоединил ванную комнату к своей спальне — ведь это так грязно! Это не по-христиански, поскольку чистота должна граничить с Богом. И вдруг ванная рядом со спальней!

Всего лишь сотню лет назад... Но Верховный Суд вынужден был признать, что в этом нет ничего грязного и что если кому-то хочется присоединить ванную комнату к своей спальне, то это его личное дело, не имеющее ничего общего с религией.

Однако церковь боролась. Семь тысяч лет тому назад в Хараппе у людей были ваннные комнаты при спальнях, были ванны и существовала очень специфичная система циркуляции воды в городе. Наличие горячей и холодной воды в ваших ваннных комнатах не является новостью. Оно существовало и в Хараппе, и в Мохенджо-Даро. Люди пользовались там плавательными бассейнами. Должно быть, это было общество с высокоразвитой культурой.

Даже во времена Гаутамы Будды, всего двадцать пять столетий тому назад, Запад нельзя еще было назвать особенно эволюционно развитым. И вы можете убедиться в этом: мы не уничтожали физически Гаутаму Будду, вы же через пять веков после его прихода распяли Иисуса Христа.

А ведь то, что проповедовал Иисус, не сравнимо с тем, чему учил Гаутама Будда. Последний утверждал, что не существует никакого Бога, и тем не менее никто не стал его распинать. Иисус Христос не отвергал иудаизма. Напротив, он просто называл себя его затерянным пророком. И он повторял все написанное в Ветхом Завете — он не говорил ничего, что противоречило старой религии. А Гаутама Будда вступил в спор со всеми положениями Индуизма. Он назвал Веды идиотскими, объявил, что Бога не существует, и утверждал, что самые хитрые люди на земле — священнослужители. А в Индии священнослужители, брамины, — это высшая каста. Однако никто не стал его распинать.

Люди боролись с ним в спорах и, поскольку не могли победить его при помощи аргументации... они не могли победить его. Встретив на своем пути Будду, они находили в себе достаточно искренности, чтобы осознать, что он понимал больше них и что их знание было лишь книжным, в то время как его представляло собой подлинный опыт.

По сравнению с восточным, западный уровень развития является детским. Это начинается с Греции.

Но взять даже такую личность, как Сократ, который не отрицал и не утверждал существование Бога, а просто говорил: «У меня нет на этот счет личного опыта, я не могу лгать, поэтому я не могу сказать, существует Бог. или нет. И я хотел бы, чтобы все были столь же искренни на этот счет. Пока вы не столкнулись с этим, не говорите да и не говорите нет; оставайтесь агностиками и держите свои суждения открытыми.»

Весьма разумно рассуждал человек, но и его отравили. Он не отвергал ни ваших традиций, ни вашего прошлого — он в принципе ничего не отвергал, призывая лишь к более разумному, более логичному подходу. В этом не было преступления. А в награду его отравили: общество сочло его опасным для себя.

С теми, кто мог обратить взгляды Запада на внутреннюю реальность, расправлялись там при помощи распятия или яда. Естественно, что талантливые люди начали бояться там далее упоминать о явлениях внутренней жизни и ее секретах. И они стали говорить лишь об объективных явлениях, таких как материя, поскольку материю отрицать нельзя и на пути ее глубокого исследования не возникает особых проблем.

Распятие Иисуса и смерть Сократа закрыли перед западным гением дверь на пути внутреннего поиска. Все, кто обладал высоким интеллектом, понимали, что он приглашает их принять смерть, и что лучше искать для своего таланта и гения пути выражения, не вызывающие на себя огонь общественного порицания.

Таким образом, весь гений западного человечества стал служить созданию все больших удобств для человеческого тела, все более развитых технологий и механизмов, углубляя знания о материи, — и все были счастливы.

И если даже при решении подобных вопросов возникало нечто противоречащее религии, тут же вмешивалась церковь.

Взять, к примеру, Галилео, написавшего, что в действительности не солнце вращается вокруг земли, как это кажется, а земля вокруг солнца, хотя это не выглядит подобным образом. Папа Римский вызвал к себе в суд старого, семидесятипятилетнего, больного ученого, практически подняв его со смертного одра, и потребовал: «Вы должны изменить свою книгу, поскольку она противоречит Библии. В Библии сказано, что солнце движется вокруг земли, и мы не готовы выслушивать какую-либо аргументацию. Вы просто должны сделать соответствующие изменения, иначе в наказание получите смерть.»

До чего же идиотская церковь, которая даже не готова прислушаться к какой бы то ни было аргументации, а способна лишь диктовать: либо ты сделаешь это, либо готовься к смерти!

Должно быть, у Галилео было прекрасное чувство юмора. Он ответил: «Вам не стоит так утруждаться убивать меня. В любом случае я умру. Что же касается книги, я изменю ее, но прошу вас запомнить, что в результате этого ни земля, ни солнце себе не изменят. Земля по-прежнему будет двигаться вокруг солнца, поскольку они не читали моей книги и для них не имеет значения, что я пишу.»

И он убрал это утверждение из своей книги. А в сноске написал: «Я отказываюсь от данного утверждения, прекрасно зная, что в этом нет никакой разницы. Реальность остается прежней.»

Открыв, что земля не плоская, как сказано в Библии, а круглая, Коперник тут же попал в беду.

Но ведь эти вопросы не имеют никакого отношения к религии. Какое дело религии до того, круглая земля или плоская? Какую бы геометрическую форму она ни имела, религии это не касается.

Но Христианство, Магометанство — это очень примитивные религии. Они не обладают столь тонким культурным подходом, как Индуизм, Джайнизм, Буддизм и Даосизм. Они не умеют опровергать, а способны лишь бороться. Их единственным аргументом является меч; и на уровне меча решаются вопросы о правоте.

Вы будете удивлены, но именно церковь помешала Западу идти путем духовного поиска. Она вынудила западное человечество обратиться к материалистическому пути. Церковь установила полную монополию на все вопросы, связанные с внутренней жизнью, и являлась здесь единственным законодателем: здесь не нужно было больше ничего искать или открывать, не нужно было медитировать. От вас требовалось только верить в Бога. Но если вам хотелось заняться чем-то связанным с материей, здесь не возникало проблем. По крайней мере до тех пор, пока это не вступало в противоречие с Библией.

Коперник сказал Папе Римскому: «Это лишь мелочь, но у меня есть все доказательства того, что земля круглая. Это работа всей моей жизни, и она ведь никак не может помешать вашей религиозности.»

На что Папа ответил: «Вы не понимаете. Вопрос не в том, мешает это религиозности или нет, а в том, что Библия — это Божественная книга, священная книга. И если хоть одно утверждение из Библии будет признано неверным, это повлечет за собой ужасные последствия, и прежде всего то, что Бог может ошибаться. Для нас это неприемлемо».

Для них неприемлемо даже то, что может ошибаться Папа, что уж говорить о Боге? Папа — это отдаленный представитель. Иисус представляет Бога, а Папа — Иисуса. Причем не непосредственно, а через цепочку сотни Пап, которые умерли до него. Через них он соединен с Иисусом, а у последнего имеется прямая телефонная связь с Богом. Достаточно одного утверждения, противоречащего Библии, чтобы Бог оказался способным ошибаться. Следовательно, это неприемлемо. Это во-первых.

Во-вторых, если признать неверным одно утверждение, где гарантия, что не пострадают и остальные? Это рождает подозрения. Это подрывает саму основу доверия и веры — «стало быть, мы не можем признать неверным ни одно положение из Библии. Можете делать все, но только то, что не вступает в противоречие с Библией».

Естественно, оставалась лишь материя. Можно было заниматься научными изысканиями в области физики, химии, биологии, зоологии. Пожалуйста!

Церковь явила собой Великую Китайскую Стену, не пускающую людей во внутренний мир. Сколь бы странным это ни казалось, но факт тот, что Христианская церковь оказалась злейшим врагом религии на земле. Другие религии тоже были врагами, но меньшими.

Для гения оставалась лишь работа с материей.

На Востоке же гении предпочитали путь внутреннего поиска. Лишь представители второго класса, средние люди занимались работой с внешними, материальными явлениями, истинный же интеллект всегда стремился к меди-тативности.

Мало-помалу разрыв увеличивался. Запад сделался материалистическим, и вся ответственность за это лежит на Христианской церкви. А восточная часть человечества становилась все более и более духовной. Разделение, расщепление, созданное внутри каждого человека в отдельности, возникло и в более широком диапазоне — как расщепление Восток и Запад.

Один великий поэт сказал: «Восток — это Восток, а Запад — это Запад, и разделенному никогда не встретиться». А человек этот, лорд Киплинг, весьма и весьма интересовался Востоком. Годами он жил в Индии, состоя на государственной службе.

Но увидеть такую разницу... Что все восточное самосознание направлено внутрь, а западное — вовне, и, следовательно, им невозможно встретиться?

Цель всей моей работы — доказать, что лорд Киплинг ошибся. Я бы сказал, что ни Восток не является Востоком, ни Запад — Западом, а разделенное уже встретилось.

Что имеется в виду под словом «Восток»? Для Бомбея восток — это Калькутта, для Калькутты Бомбей — запад. Все это ерунда, эти слова относительны. Нельзя говорить об определенном месте, что это восток, а об определенном месте, что это запад. Все это относительно. Для людей, живущих в Калькутте, на востоке находится Токио. И именно так думают японцы. Поэтому они называют свою землю «Страдой восходящего солнца», а своего императора — «единородным сыном бога солнца». Бог солнца — подлинный бог, а Хиро-хито, император Японии — его единственный сын.

Фактически, когда японцы были побеждены во второй мировой войне, им трудно было в это поверить. Тысячи солдат покончили с собой просто от стыда: «Как же могли сыновья солнца

быть побеждены? Зачем теперь жить, если все в этой жизни не так?» Они верят, что они — подлинный Восток. Никто не Восток и никто не Запад. Но подобная позиция понятна, и она весьма рельефна. И вся моя цель заключается в том, чтобы перекинуть мостик внутри каждого индивида, так чтобы объединить его в единое целое. Не настраивайте себя против своего тела. Это ваш дом.

Не настраивайте себя против своего сознания, поскольку без него ваш дом может выглядеть очень нарядно, но в нем не будет он будет пустым. Вместе же создадут красоту, более наполненную жизнью.

Символически я избрал Зорбу в качестве тела, а Будду в качестве души. Вы интересовались тем, что в Греции я больше говорил о Зорбе, а, здесь, в Индии, атмосфера ближе к Будде. Вы сделали верное наблюдение.

В Греции я говорил о Зорбе. Но все равно меня депортировали. Если бы я говорил о Будде, Вы бы меня вообще больше не увидели. Я говорил о Зорбе, поскольку это основа.

При этом я объяснял, что сам по себе Зорба — лишь основа дома, но не сам дом. В Индии я говорю о Будде. Но не забываю и о Зорбе. Каждое мое утверждение, относись оно к Зорбе или Будде, автоматически подразумевает и второго, поскольку для меня они неразделимы. Вопрос лишь в том, на чем ставить акцент. Для того чтобы быть понятным для сознания греков, я акцентировал Зорбу.

Посол Республики Шри-Ланка в Америке написал мне письмо, в котором говорилось: «Ваши последователи со всего мира открывают рестораны, диско-клубы и называют их «Будда-Зорба», что весьма оскорбительно для Будды. И если это произойдет в такой стране, как Шри-Ланка, то может повлечь за собой насилие. Советую вам отбросить это имя.»

Я попросил своего секретаря написать ему, что, «во-первых, никто не располагает монополией на Зорбу или на Будду. И, во-вторых, мы не касаемся Гаутамы Будды: «будда» — это не имя собственное, а качество. Оно подразумевает пробужденную личность. Любого, кто пробудился, можно назвать буддой. Гаутама Будда — лишь один из миллиона будд, которые существовали и будут существовать. И вы не можете помешать Зорбе стать Буддой.»

Фактически вы должны помогать мне превращать зорб в будд, поскольку в этом и заключается единственная подлинная революция: в том, что материалист зорба, не подозревающий о высшем сознании, превращается в будду.»

Он мне так и не ответил.

В зорбе есть своя прелесть. А остров в Греции, где я остановился, был тем самым местом, где Казанцакис, писатель, создавший роман «Грек Зорба»... Зорба — вымышленное имя, это не исторический персонаж. Но остров, где я остановился, был островом, на котором родился Казанцакис. И Казанцакис, один из лучших романистов нашего века, ужасно пострадал от руки церкви. В конце концов, после написания романа «Грек Зорба», он был отлучен от церкви. По написании романа ему объявили: «Либо вы отказываетесь от своей книги, либо вас отлучают от церкви.» Не отказавшись от книги, он был отлучен от Христианства и проклят.

Зорба передает индивидуальность Казанцакиса, на которую обрушилась церковь,, индивидуальность, которую он хотел и не мог в себе реализовать. И всю эту нереализованную в своей жизни часть себя он вложил в Зорбу.

Зорба — это красивый мужчина, не испытывающий страха перед преисподней и не стремящийся царство небесное, живущий от момента к моменту и умеющий находить наслаждение в мелочах... еде, питье, женщинах. После своего полного рабочего дня он мог взять свой музыкальный инструмент и часами танцевать на берегу.

И другая часть Казанцакиса, которую он прожил в «Греке Зорбе»... Зорба — это слуга. Другая часть — это хозяин, нанявший Зорбу в качестве слуги. Он вечно сидит печальный в своем

офисе, копаясь в папках, никогда не смеется, никогда не испытывает наслаждений, никогда не выходит наружу и постоянно в глубине души завидует Зорбе, который, так мало зарабатывая, живет, как император, не заботясь о завтрашнем дне, о том, что с ним может произойти. Он хорошо ест и пьет, хорошо поет и хорошо танцует. А его хозяин, такой богатый, сидит себе, грустный, натянутый и страдающий, в несчастьях и муках.

В один прекрасный день Зорба сказал своему хозяину (который и есть сам Казанцакис): «Хозяин, твоя единственная беда заключается в том, что ты слишком много думаешь. Пойдем со мной.» Дело было ночью в полнолуние.

Казанцакис пытался возразить: «Нет, нет. Что ты делаешь?»

Но Зорба притащил его на берег и принялся танцевать, играя на своем инструменте. И он сказал Казанцакису:

«Попробуй прыгать! Если ты не можешь танцевать, делай что угодно.» И Казанцакис тоже пустился в пляс с энергией и грацией Зорбы. Впервые в жизни он почувствовал себя живым. Зорба — это нереализованная часть каждого так называемого религиозного человека.

Так почему же церковь так восстала против Зорбы, когда тот был опубликован? Это был всего лишь роман, и церкви не о чем было беспокоиться. Но эта книга так наглядно показывала нереализованную сторону каждого христианина, что это делало ее опасной.

Но Зорба невероятно привлекателен. Казанцакис посылает его купить кое-что в городе, а он про все забывает. Напивается, отправляется к проституткам и предается наслаждениям, лишь однажды вспомнив, что, казалось бы, прошло уже много дней, а деньги все еще при нем. Как же он может вернуться, пока они не кончились? Хозяин очень рассердится, но ничего не сможет сделать — это его проблема.

А через три недели он возвращается (отправлялся он всего на три дня) и не приносит ничего из того, за чем он был послан. Зато приносит с собой множество историй: «Какое же это было замечательное похождение! Тебе надо было отправиться со мной. Я провел время с такими миленькими ангелочками ипил такое замечательное вино...»

Хозяин спрашивает: «А как насчет покупок? Я тут три недели просто кипел от нетерпения.»

Тот отвечает: «Когда к твоим услугам столько прекрасных вещей, кто станет заботиться о мелочах? Ты можешь еженедельно делать вычеты из моей зарплаты и постепенно вернуть свои деньги. Извини, что не смог вернуться раньше. Радуйся тому, что я вернулся. Деньги кончились, и мне пришлось. Но когда я поеду в следующий раз, я все тебе привезу.»

На что хозяин возражает: «Больше ты никогда не поедешь. Пошлю кого-нибудь другого.»

Вся жизнь Зорбы проста, направлена на получение физических удовольствий, но лишена каких бы то ни было волнения, чувства вины и заботы о том, что является грехом, а что — добродетелью и...

Я хотел бы разбудить такого человека, Зорбу, в каждом, поскольку это ваша естественная наследственность. Но вы не должны останавливаться на Зорбе.

Зорба — это только начало.

Рано или поздно, когда вы позволите своему Зорбе достичь полного самовыражения, вам ничего не останется, как искать чего-то более высокого, совершенного и величественного. И это придет к вам не с мыслями, а с опытом, поскольку вы начнете тяготиться его незначительностью.

Сам Будда стал Буддой, поскольку прожил жизнь зорбы. Этот факт ускользает от внимания Востока — факт, что двадцать девять лет своей жизни Будда прожил так, как Зорбе и не снилось. Ведь Зорба был так беден.

Отец Гаутамы Будды собирал для его удовольствия красавиц со всего королевства. Для

разных времен года он построил в трех различных местах три дворца. У него были прекрасные сады и озера. Вся жизнь Будды протекала в роскоши, настоящей роскоши. Но она ему прискучила.

Одним из наиболее значимых для него явилось происшествие, когда однажды ночью прекрасные девушки танцевали... Он пил, они пили, и все уснули пьяными. В середине ночи он проснулся, огляделся вокруг и пришел в ужас. И этот ужас стал одним из поворотных моментов в его жизни. Одна из девушек храпела. Это была красивая девушка, но рот ее был открыт, и она храпела... Она выглядела столь безобразно: слюна сочилась изо рта... У другой текло из носа. И он воскликнул: «О Боже! Так вот что такое красота!»

Все было кончено. На следующее утро эти девушки были отправлены из дворца. «Не нужны мне во дворце никакие девушки. Довольно с меня.» В действительности, это и вправду было слишком. Двадцать девять лет, прожитые им, можно было почти приравнять к четырем-пяти жизням обычного человека. Во всей этой роскоши он вскоре почувствовал себя усталым и безразличным. И в мыслях его остро возник вопрос: и это все? Тогда для чего мне завтрашний день? Жизнь должна содержать нечто большее, в противном случае она бессмысленна.

Именно от Зорбы начался поиск Будды. Но не все становятся буддами. И основной причиной этого является то, что зорба не изжит.

Вы понимаете, что я хочу сказать? Я хочу сказать: проживите полностью жизнь Зорбы и вы естественно войдете в жизнь будды. Казанцакис написал роман «Грек Зорба». Его уже нет в живых. Если бы ему можно было пожить еще... Он был болен, в сильном напряжении. Он был очень несчастлив, потому что постоянно опасался греха. А потом, когда его отлучили от Христианской церкви, — это означало проклятие, ведь только Христиане могут попасть в рай. Этого удара он не смог пережить. Отлучение от Христианской церкви попросту убило его. Будь он жив, я бы сказал ему: «Ваша книга дописана лишь до половины. Вам надо написать еще одну: «Будда-Зорба». Тогда описание феномена будет полным. Но новую книгу вы сможете написать не раньше, чем проживете своего зорбу. А пока вы не прожили еще даже зорбу, как вы можете прожить будду?»

Наслаждайтесь своим телом, своим физическим существованием. В этом нет греха. За этим спрятан ваш духовный рост, ваше духовное блаженство. Лишь утомившись от физических усад, вы спросите: «И это все?»

Такой вопрос не может быть чисто интеллектуальным, он должен быть экзистенциальным: «И это все? » И когда этот вопрос возникнет экзистенциально, вы откроете внутри себя нечто большее.

Существует нечто гораздо большее. Зорба лишь начало.

И с того момента, как будда, пробудившаяся душа, овладеет вами, вы узнаете, что удовольствие не было даже тенью. Существует такое блаженство... Это блаженство не противоречит удовольствию. Фактически удовольствие и привело вас к блаженству.

Между Зорбой и Буддой не происходит борьбы Зорба — это стрела. Если верно за ней следовать, она приведет к Будде. Нельзя, конечно, забывать о различии между атмосферой Греции и атмосферой Индии. Грек все еще отдает предпочтение материализму, в то время как сущность атмосферы Индии в пробуждении души. Вы, конечно, можете продолжать пребывать в объятиях Морфея, но будете тем не менее атмосферой восхода Солнца. Пение птиц и аромат распускающихся цветов — все вокруг будет побуждать вас к пробуждению. Я намерен еще раз посетить Грецию. Меня развлекают все эти депортации. И на этот раз мне предстоит говорить о Будде, поскольку прежде я говорил лишь о Зорбе, а оставлять начатое незавершенным — не в моих правилах. К тому же министр внутренних дел Греции уже пригласил меня, пообещав: «Если вы еще приедете, мы уж о вас позаботимся.»

«Да, приеду, — ответил я. — Но вы уж не депортируйте меня хотя бы недели три.» Потому что, похоже, дольше трех недель меня ни одна страна не выдерживает. В отдельных же странах тупость так безгранична, что дело не доходит и до 36 часов.

Больше всех отличилась Англия. Там мне не позволили даже 6 часов вздремнуть в аэропорту, а дальше зала отдыха вообще не пустили. Мне отказали даже в шестичасовом сне. Когда я поинтересовался, какие у них на то основания, служащий аэропорта ответил: «У нас нет оснований, но есть информация от премьер-министра, что вы — опасны и вас нельзя впускать в страну.»

«Но я же не нарушаю территории Англии, — пытался возразить я. — Да из зала отдыха этого и невозможно сделать. К тому же вы тщательно меня досмотрели: ни бомбы, ничего такого у меня при себе нет. Так посудите сами, какую же опасность может представлять мой шестичасовой сон в аэропорту?..»

«Не ставьте меня в затруднительное положение, — ответил тот. — Поскольку завтра это будет известно в парламенте, и мне придется отвечать за то, что я вам это разрешил».

Так что мне пришлось на шесть часов сесть за решетку. Мне было объяснено, что это единственное место, где мне позволено находиться.

А на другой день вопрос об этом инциденте рассматривался в парламенте. И меня не перестает удивлять ответ, который был дан на него: «Человек этот чрезвычайно опасен.» И что ни у кого в парламенте не достало соображения поинтересоваться: «Допустим, этот человек и опасен, но какую же опасность мог представлять его шестичасовой сон в зале отдыха аэропорта? Какая же в этом опасность?» Но ни один член парламента не задал подобного вопроса.

Короче, я поставил министра иностранных дел Греции в известность о том, что я приеду. Мне просто необходимо приехать.

В принципе, я собирался пробыть в Греции дольше, и моя виза давала мне возможность оставаться там еще в течение пятнадцати дней. Но архиепископ Греции пригрозил правительству, что если я не буду депортирован из Греции немедленно, то дом, в котором я остановился, будет взорван и сожжен вместе со мной и моим окружением.

Напуганное возможностью осложнений, правительство предпочло немедленно выслать меня. Я спал, когда меня арестовали. Спящих нельзя арестовывать. И у властей не было никаких оснований для ареста: ведь я не покидал дома в течение пятнадцати дней. Я попросил их предъявить мне какие-либо основания для депортации. Мне ответили, что никаких оснований, помимо распоряжения свыше, не существует. А распоряжения эти были основаны на страхе перед архиепископом. Это был все тот же архиепископ, что отлучил от церкви Казанцакиса. Эти люди, живущие практически вне времени. Их даже нельзя назвать современниками.

Ко дню моей депортации с острова люди знали обо мне, по большей части, понаслышке... Но ощутив неловкость в связи с угрозами архиепископа, они говорили мне: «Чем же мы можем помочь? Мы лишь бедные люди.»

Я отвечал: «Приходите все в аэропорт, чтобы архиепископ увидел, сколько людей на его стороне, а сколько на моей, хотя я здесь всего пятнадцать дней, а они — два тысячелетия.» В результате с архиепископом в церкви было всего шесть престарелых женщин, а в аэропорту собрались три тысячи человек — целый остров.

И тем не менее они отказываются понять, что не нужны больше, что время их истекло. Они все талдычат: «возлюби врага своего и ближнего своего» или «Бог есть любовь» и при этом грозят ни в чем не повинному человеку сожжением его заживо вместе со всеми друзьями. А в этом большом особняке пребывало со мною по крайней мере двадцать пять человек.

Данный пример лишний раз доказывает, что сознание Запада еще не созрело до духовности, любви и отказа от насилия, но остается приверженным абсолютно материалистическому

подходу.

Два тысячелетия спустя после того, как был распят Иисус, этот человек, представитель Иисуса Христа в Греции, угрожает мне сожжением заживо. Так кто же он: представитель Иисуса Христа или же он был одним из тех раввинов, которые его распяли?

Сознание западного священника встало на пути постижения Западом сущности медитации. Но настало удивительное революционное время. По крайней мере для нового поколения, которое не придерживается старых проповедников и старой церкви.

Взгляды нового поколения Запады обращены на Восток. И это вселяет великую надежду.

То Зорба ищет Гаутаму Будду.

Вопрос 2

Любимый Бхагван,

Мысли о смерти часто посещали меня в годы моего ученичества. Как может ученик умереть в присутствии мастера, особенно если последний физически находится далеко от него?

Бхагван, является ли Махакашьяпа единственным ответом?

Вопрос состоит не в том, находитесь ли вы в присутствии мастера, но в том, полны ли вы любви и доверия к нему.

Физическая близость ничего не значит. Важна лишь духовная близость.

Любви и доверия достаточно. Вы можете находиться хоть на Луне — мастер будет рядом. На самом-то деле он будет внутри вас, поскольку по мере усиления вашей любви что-то в мастере, какие-то его энергии начнут плавиться и перетекать в вас, сливаться с вами.

Страх перед физическим расстоянием — это лишь страх перед нехваткой любви и доверия.

Махакашьяпа — недостаточный ответ. Каждый должен найти ответ сам для себя. Махакашьяпа пребывал подле Будды и умер сразу вслед за ним, не в силах жить без него. Но в том и уникальность Махакашьяпы. И это не единственный ответ.

Для пояснения расскажу еще несколько историй, связанных с Буддой.

Ананда жил 45 лет подле Будды. Никто иной не прожил рядом с Буддой так много лет. Никому иному это не было дозволено. И вот в чем дело: Ананда был двоюродным братом Будды, да к тому же старшим. А по восточной традиции... Перед принятием посвящения Ананда как старший брат, обратился к Гаутаме Будде с такими словами: «Послушай, Сиддхартха (таково было его родовое имя) После посвящения я стану делать все, что бы ты мне ни сказал. Я сделаюсь твоим учеником, ты — моим мастером. Но пока еще я для тебя старший брат, а ты для меня младший. И ты должен выполнить все, что я скажу тебе. Запомни же три вещи и не забывай о них, когда я сделаюсь твоим учеником.» Это очень красивая история.

«Что это за три вещи?» — спросил Будда.

И Ананда ответил: «Во-первых, я всегда буду жить с тобой, и ты не сможешь никуда отослать меня для распространения учения. Во-вторых, если я пожелаю, чтобы ты с кем-либо встретился, случись то хоть среди ночи, ты не должен отказать мне — такова будет моя личная привилегия. И в-третьих, я буду спать в одной спальне с тобой. Даже во время твоего сна я буду подле тебя.» Будда пообещал, и соблюдал все условия на протяжении сорока двух лет.

Однако Ананда не достиг просветления. Каковы же были его муки и страдания: пришедшие к Будде гораздо позже него становились просветленными, он же пребывал в прежнем неведении.

«Что же теперь будет со мною? — сокрушался он в день смерти Будды. — Ведь если я не сумел достичь просветления, даже находясь подле тебя двадцать четыре часа в сутки в течение сорока двух лет плюс-минус день, без тебя у меня и вовсе не остается надежды на это.»

«Тебе не ведомы законы развития жизни, — отвечал ему Будда. — А что, если ты сможешь достичь просветления лишь после моей смерти? Что, если как раз я-то и являюсь для тебя преградой, поскольку воспринимаем тобой как некая гарантия? Еще в тот день, когда ты поставил три своих условия, я подумал, что они станут барьером на твоем пути. Ты никак не способен абстрагироваться от мысли, что ты мой старший брат. Даже сейчас ты не в силах забыть о своих привилегиях перед другими, о том, что лишь для тебя одного согласился я выполнить три условия. Возможно, сама моя смерть поможет тебе.»

Будда умер. А через двадцать четыре часа все его просветленные ученики собрались вместе, чтобы записать все, о чем он говорил в течение этих сорока двух лет. Но возникла проблема, ни один из них не находился неотлучно подле Будды на протяжении всех сорока двух лет. Ананда, не будучи просветленным, не имел права на участие в собрании: как могли они полагаться на слова несведущего, непросветленного человека, ведь в таком случае нельзя было бы сказать наверняка, действительно ли он это слышал или же просто вообразил, не упустил ли чего и не предложил ли собственной интерпретации! Это бы сильно осложнило дело.

Таким образом, сложилась довольно печальная картина: в зале проходило собрание, а за его пределами, на ступеньках, сидел Ананда, проживший с Буддой сорок два года и знавший больше кого бы то ни было. В его памяти было запечатлено каждое мгновение этой жизни. Но он не был просветленным. Заливаясь слезами, Ананда сидел за пределами зала. Что-то происходило в нем. Он никогда не плакал прежде.

С этими слезами его эго исчезало; он становился подобен ребенку.

Дверь зала приоткрылась. Оттуда выглянули, чтобы убедиться, что Ананда еще здесь, поскольку просили его: «Ты посиди снаружи, и, если нам потребуется твое подтверждение, мы спросим тебя. Но присутствовать на собрании ты не можешь.»

Трансформированное существо предстало их глазам. Прежнего Ананды, прежнего эгоиста не стало. Это было невинное существо, заливающееся слезами радости... Все они увидели исходящий от него свет.

«Входи, — пригласили его. — Теперь нам нечего опасаться. И все же, как странно... Сорок два года ты не мог достичь просветления и достиг его за двадцать четыре часа!» И на подобные явления постоянно указывал Гаутама Будда.

«Я сам виноват в этом, — отвечал Ананда. — Его смерть стала смертью моего эго.»

Всеми дошедшими до нас письменными свидетельствами мы обязаны Ананде.

Были и другие просветленные ученики, которые не умерли вместе с Гаутамой Буддой. Часто их спрашивали (а после смерти Махакашьяпы это был не пустой вопрос): «Вот Махакашьяпа умер, а как же вы можете жить?»

Один из учеников, Моггалаян, ответил: «Теперь мне необходимо жить во имя распространения учения моего мастера. Да я и не живу более: я умер вместе с ним, и теперь он живет во мне. Путь Махакашьяпы: раствориться в Гаутаме Будде — лишь один из путей. Мой же путь иной. И я тоже растворился, но смерть здесь ни при чем. Ведь в мире так много слепых, которым нужны глаза, столь многим, пребывающих во тьме, необходим свет. Я постараюсь жить как можно дольше. Жизнь свою я посвящаю Будде.»

Так что данный вопрос не может быть однозначно решен одним человеком. Каждой должен быть уникален по-своему. Кто-то свящает мастеру свою смерть, а кто-то — жизнь. И невозможно оценить, что больше. Вероятно, и не нужно сравнивать. И в том и в другом случае человек остается самим собой. И тогда, где бы вы ни находились, пространство с его расстояниями не будет иметь для вас никакого значения. А на определенном уровне глубины потеряет значение и время. Если же вы почувствуете, что и пространство и время утратили для вас реальность, знайте что вы действительно коснулись стоп мастера

И тогда, что бы ни произошло с вами: Жизнь ради распространения учения или смерть — что бы не произошло с вами естественно и спонтанно — пусть это произойдет.

Вопрос 1

Любимый Бхагван,

Часто мне хотелось задать Вам тот или иной вопрос, но стоило мне немного подождать, как Вы сами давали мне на него ответ, И в то же время мне становилось ясно, что это глупые вопросы, порожденные моим умом, но не сердцем. Вопреки любым ответам сердцу моему хочется лишь плакать, а уму — лишь знать.

Не могли бы вы рассказать, как быть с непрестанно вопрошающим умом, который по существу не трогают никакие ответы? Или я просто греческий осел?

Ученик, умеющий ждать, получает в нужное время ответы на все свои вопросы. Но умение ждать — великое качество. Оно сочетает в себе глубокое терпение и огромное доверие. Ум не умеет ждать. Он всегда торопится.

Терпение ему неведомо. Поэтому он продолжает нагромождать вопрос на вопрос, так и не получая ответа.

Это весьма деликатно и непросто для понимания: важен не сам ответ, а своевременность его получения, готовность к этому. Иначе он просто просвистит у вас над головой. Нетерпеливый ум задает слишком много вопросов. Он забывает о том, что задавание вопросов само по себе лишено смысла, важен на самом-то деле только ответ. Но ответ нуждается в тишине, покое, открытости и восприимчивости — качествах, чуждых уму. И поэтому ум все продолжает спрашивать на протяжении тысячелетий и все не получает ответа.

В мире ума существуют только вопросы.

В мире сердца — лишь ответы. И это потому, что сердце умеет просто ждать, не задавая вопросов. И пусть весна приходит в свое время. Оно умеет ждать, как ждет земля, томясь от жажды, но зная, что придут облака, обильные дождем, как всегда они приходили. И нет причин для недоверия. Ведь мир не знает исключений, когда доверие бы не оправдалось, ожидаемое не свершилось, а терпение не было бы щедро вознаграждено.

Функции сердца и ума противоположны, диаметрально противоположны. Ум рождает философии, теологии, идеологии. И все это вопросы, на которые нет ответов. Сердце просто ждет. И в нужный момент ответ сам собою распускается в нем, подобно цветку.

У сердца нет вопросов. И тем не менее оно получает ответ.

У ума тысяча один вопрос. Тем не менее он никогда не получает ответа, поскольку не знает, как его получить. Ваш ум переполнен вопросами. И все же вы могли заметить, что ответы на них пришли один за другим. И это порождает в вас новое понимание, новое доверие. Новые измерения открываются: необходимость ждать в состоянии бодрствования и готовности. И тогда, если это необходимо, ответ явится. Вы могли также заметить глупость большинства вопросов, занимающих ум. И не большинство даже, все они глупы по той простой причине, что, задавая их, ум не утруждает себя восприимчивостью к ответам. Его больше интересуют сами вопросы. Даже если он и получает ответ, сам он в это время уже занят новым вопросом. К примеру, он может, выслушивая ответ, сделать из него еще десяток вопросов.

Вопросы возникают в уме примерно так, как вырастают листья на деревьях. И мало-помалу они становятся все глупее и глупее.

Ведь не так уж и просто придумать много существенных вопросов, а малое их количество не способно удовлетворить запросы ума.

Он жаждет. Ему хочется обо всем спросить. Он желает знать все, но ничего не готов понять. Но существует лишь несколько существенных вопросов.

И лишь один основной.

Однако малым количеством не удовлетворить жадности ума.

Вы, вероятно, поразитесь, узнав, что этимология английского слова «greed» («жадность») восходит к весьма странному санскритскому корню. И если вам захочется взглянуть на народ, от которого пошло употребление данного корня, большую часть его вы обнаружите в Бомбее. На санскрите «стервятник» будет «giddha». Именно от корня этого слова и произошло английское слово «greed» («жадность»). Бомбей славится самым большим в мире числом стервятников, поскольку наибольшее количество парсов во всем мире также проживает в этом городе. А между парсами и стервятниками существует определенная связь.

Среди парсов бытует достаточно необычный способ захоронения покойных. Они не сжигают тела, как это делают индусы, буддисты и джайнисты; не хоронят его в земле, как это делают христиане, магометане и евреи. Для этого у них существует собственный уникальный обряд, которому они находят определенное логическое обоснование.

На их кладбище... А в Бомбее можно увидеть самое большое кладбище парсов, поскольку в этом городе насчитывается самое большое число представителей этого народа... На их кладбище находится большой колодец. Поверх него положены стальные прутья. Мертвое тело опускают на эти стальные прутья, между которыми имеются зазоры. Со всех сторон колодец окружен вековыми деревьями, на ветвях которых сидят тысячи стервятников в ожидании смерти очередного несчастного парса. Ведь стервятникам кушать хочется каждый день, и парсы обеспечивают их пищей. Тело умершего парса кладут на прутья колодца, и стервятники пожирают все, что годится им в пищу. То, что не годится: кости и тому подобное, — проваливается в колодец сквозь зазоры между прутьями.

На первый взгляд обычай выглядит довольно странно: «Да что же вы делаете?» Однако у парсов на этот счет существует собственное логическое обоснование. В этом мире у всех предрассудков имеется разумная основа. И вот как они это объясняют: «Поскольку мы всю жизнь что-нибудь едим, настает и наш черед быть съеденными.» Прелестная логика. Всю свою жизнь вы чем-то питались: животными, если вы употребляете в пищу мясо, или же растениями, также являющимися живыми существами, если вы вегетарианец. Всю свою жизнь вы ели, и для вас естественно стать частью того же самого цикла, будучи съеденным. Послушать парсов, так нет ничего более естественного.

Думаю, тем, кто верит в природу, понравится эта идея. Ведь сожжение тела — это акт уничтожения пищи, в результате которого неизбежно должны погибнуть или остаться голодными несколько стервятников.

В индусских деревнях стервятников нет. Что им там делать? В лучшем случае изредка подохнет корова или бык, давая им возможность поживиться останками. Сейчас по всему миру весьма распространено движение интеллектуалов, призывающих ни в чем не нарушать естества циклов природы. Всю свою жизнь мы едим — настает и наш черед быть съеденными. А если вы все равно умерли, к чему безо всякой надобности уничтожать прекрасную пищу для стервятников? Стоит прокатиться в Бомбей, чтобы стать свидетелем очаровательной сцены, которой больше нигде в мире не увидишь.

Огромное количество стервятников собирается вместе только для того, чтобы дожидаться смерти очередного несчастного парса. И взывает к Богу: «Прикончи сегодня кого-нибудь.» И, судя по всему, Господь прислушивается: парсам просто ничего другого не остается, как умирать.

Итак английское слово «greed» («жадность») восходит к тому же корню, что и санскритское «giddha» («стервятник»).

Стервятник — один из самых отвратительных представителей среди всех известных птиц. И жадность являет собой одно из самых отвратительных мыслимых свойств человеческой природы.

Ум — это и есть стервятник. Его ничем не удовлетворишь. И чем больше ему даешь, тем больше он берет и тем больше требует. Чувство благодарности ему чуждо. Он вечно жалуется, что ему мало. Всего ему мало.

Вопрос следует за вопросом: осмысленный за бессмысленным, релевантный за нерелевантным, — и в уме совсем не остается места, куда бы мог проникнуть какой бы то ни было ответ. Он так запружен вопросами...

Сердце не знает вопросов.

Здесь-то и кроется одна из загадок жизни: с одной стороны, ум, вечно задающий вопросы и никогда не получающий на них ответов; с другой — сердце, никогда ни о чем не спрашивающее и получающее ответ.

Об одном только нужно не забывать: уму присущ шум, просто-таки сумасшедший шум. Сердце может получить ответ, но из-за шума, не стихающего в уме, этого не заметить. Не почувствовать, что ответ уже в нем, что оно беременно им. Ум не просто нарушает ваши внутренние покой и тишину. Он нарушает их до такой степени, что сердце, ответственное в вас за слушание тишины, ожидание и восприятие, отказывается от какой бы то ни было связи с вашим существом. Ум приобретает монополию на все ваше существо, попросту выжив из него сердце.

Будучи безмолвным и будучи джентльменом, сердце не вступает в спор, а просто спускается вниз по улице и ждет на обочине дороги. Ум стремится захватить всю территорию. Ученику необходимо понять ситуацию. Диктат ума должен быть уничтожен, ум — только слуга, не господин. Истинный господин — сердце, поскольку именно в нем возникает все прекрасное. От него исходит все подлинно ценное: ваша любовь, ваше сострадание, ваша медитация.

Все, что обладает истинной ценностью, распускается в саду вашего сердца.

Ум — пустыня, где ничто не произрастает — один лишь песок да бесплодная земля. Она никогда не приносит ни цветов, ни плодов. И вам должно стать ясно, что не нужно так заботиться о своем уме, как вы о нем до сих пор заботились. Его надо поставить на свое место. Трон отдайте сердцу.

Это та революция, совершив которую, ученик становится посвященным. И случается это тогда, когда сердце становится господином, а ум — слугой.

Помните, что ум — превосходный слуга. Это лучший слуга и худший господин на свете.

Сердце, будь оно на троне или на улице, — ваша единственная надежда, единственная возможность соединения с собственной сущностью, единственный мостик, соединяющий вас со всем сущим.

Лишь оно дает возможность песням рождаться в вас, звездам — делиться с вами светом, а вашей жизни походить на праздник и танец.

Вы спрашиваете, как же остановить этот постоянно вопрошающий ум, как воспрепятствовать этому непрестанному потоку тупых вопросов.

Тут-то каждый и совершает неверный шаг. Если пытаться остановить ум, ничего из этого не выйдет. В жизни вам его не остановить. Попросту игнорируйте его, не замечайте. Пускай он себе болтает.

Относитесь к уму отстраненно, безразлично. Будто для вас абсолютно не имеет значения, сотрясает он воздух вопросами или нет. Лишь такая отчужденность, подобное игнорирование, которому Будда подобрал точное название «upeksha», такое безразличие мало-помалу приведут к чуду.

Вам не добиться желаемого результатом посредством борьбы. Ведь в борьбе вы отдаете противнику свою энергию. Вы направляете на ум свое внимание, а он им питается. Вы запутываетесь в его сетях, он же наслаждается славной схваткой. Никому еще не удалось

остановить ум посредством борьбы. Уясните для себя главное: не предпринимайте никаких шагов к борьбе.

Просто игнорируйте, отстраняйтесь и предоставьте уму делать все, что ему угодно. И когда ум почувствует, что от него отвернулись, увидит, что им больше не интересуются и что кричать бесполезно, — его все равно не услышат и даже не поинтересуются, что в нем происходит, — тогда он остановится.

Мне припомнилась одна история... А вспомнил я о ней потому, что этот мальчик, сын моей сестры, сегодня здесь.

Ему было всего шесть лет, когда мы отправились нанести визит главе правительства города Мадья Прадеш. Отец мальчика был за рулем. Он поехал вместе со мной для того, чтобы навести справки, сообщить о моем приезде и выяснить, дома ли глава правительства.

В джипе мальчика стало клонить ко сну — мы проехали уже немалое расстояние. Нечаянно задремав, он упал головой на приборную доску и ушибся. Мальчик взглянул на меня. Я не стал обращать на него внимания, продолжая глядеть в окно джипа. А он уже собрался поплакать и покапризничать. Он все старался поймать мой взгляд, я продолжал смотреть в окно.

Его отец вышел из машины» и я тоже ушел на получасовую встречу. А после мы все вернулись домой. И вот спустя почти два часа, уже оказавшись дома, мальчик расплакался. Расплакался он сразу, как увидел маму. «Что случилось?» — поинтересовался я.

«Я ушиб голову в джипе», — ответил он. «Да, но ведь это случилось два часа тому назад?» — удивился я

«Знаю, — ответил он. — Но зачем мне было тогда плакать?»

Два раза я посмотрел на тебя, ты смотрел в окно. Что толку плакать при таком дяде? Ты ведь даже не спросил меня, что случилось... Хоть и видел, как я ушибся головой. А вот теперь, когда со мной мама, можно и поплакать. »

Даже такой маленький мальчик смекнул, что бессмысленно поднимать суматоху, когда на тебя не обращают внимания, как если бы в джипе никого, кроме тебя, и не было.

Так и ум при вашем безразличии к нему начинает испытывать одиночество. Кому же тогда задавать вопросы? Напротив, проявляя к нему интерес и любопытство, будучи им увлечены, вы тем самым питаете его.

Безразличие к уму и есть медитация. Тогда все его вопросы сами собой исчезают как абсолютно бессмысленные. А когда прекращается умственная болтовня, в вас воцаряются тишина и покой, дающие возможность различить тихий, ровный голос своего сердца

Вопрос 2

Любимый Бхагван,

Мне никогда не удавалось припомнить свои сновидения. Казалось, они посещают меня лишь в периоды эмоциональных кризисов. Раз или два в год мне обыкновенно снился «большой» сон, скорее напоминающий видение. И это все. За последние годы все стало обстоять еще хуже, а теперь и вовсе сходит на нет. Полагая, что сновидения могут быть полезны в работе терапевта, я испробовал все методы, но ни один из них не оказался действенным.

Последнее время я примирился с этим. Множество вспышек интуиции приходит ко мне в дневное время или же непосредственно перед сном. Я пришел к выводу, что это тоже замечательно. Однако после вчерашней беседы, в которой Вы заметили, что разгрузка подсознания есть путь к сверхсознанию, я вновь обес-покоился. А может быть, я до такой степени репрессивен? Что же тогда меня так пугает, что я не могу вспомнить собственные сновидения?

Пурна, процесс сна и процесс запоминания сна — две разные вещи.

Очень немногие способны вспомнить свои сновидения, и это еще не означает, что они их не видят. Видят их все, но вот запомнить — это уже совсем другое дело. И даже те, кто запоминает, запоминают на самом деле лишь последние из своих снов, приснившиеся ранним утром перед пробуждением. Это связано с тем, что механизм памяти представляет собой часть сознательного ума, в то время как сновидения возникают в бессознательном, в котором никакого механизма памяти не существует, поскольку механизм этот относится лишь к сознательному уму. Если сны возникают в бессознательном уме, но очень близко к сознательному, то запоминаются они очень слабо, смутно.

Утром при пробуждении вы приближаетесь к сознательному уму от бессознательного, снова возвращаетесь в сферу сознательного. И, словно за кончик хвоста, наиболее близкий к моменту пробуждения, ваша память хватается за последнее сновидение. Так что даже запоминающие запоминают лишь последние из своих сновидений. При том, что если они проспали восемь часов — в течение шести из них им снились сны.

Ухватиться вы можете лишь за слабое отражение вашего последнего сновидения. А если в течение первых нескольких секунд после пробуждения вам это не удастся, то и оно от вас ускользнет. По мере пробуждения вы будете все более и более удаляться от бессознательного.

У разных людей это происходит по-разному.

Некоторые очень медленно выходят из состояния сна. Их пробуждение не осуществляется рывком.

У тех, кто просыпается быстро, рывком, воспоминания будут иметь иное качество, нежели у тех, кто выходит из состояния сна медленно.

Это также зависит и от характера самих сновидений. А поскольку вы терапевт, и не просто терапевт, а мой терапевт, то вряд ли вы лишь поверхностно подавляете свою память. Ведь все мое учение призывает: не подавляйте; проживите каждый свой инстинкт, каждое чувство, каждую эмоцию.

И если вы изживете эти эмоции и чувства, пройдут у вас и поверхностные сновидения. Сны ваши сделаются тогда необычайно глубоки. Все меньше они будут принадлежать вашему бессознательному, все больше — коллективному бессознательному. Они уйдут настолько глубоко, что вы не будете более в состоянии их вспомнить, по крайней мере не прилагая к тому

особых усилий. А единственное средство, способное тут помочь, — это гипноз.

И лишь в состоянии гипноза, проникая вслед за гипнотизером в дебри собственного бессознательного, сможете вы ответить на его вопросы о том, что там происходит и какой вы видите сон. Причем, проснувшись, вы и это забудете. Совместная с гипнотизером работа требует большой тренировки. После каждого погружения в состояние гипноза он должен предлагать вам вспомнить увиденное и настаивать каждый раз на этом до такой степени, чтобы в вас закрепился этот рефлекс. И тогда вы сможете запоминать свои сны.

Однако в том нет надобности. Если вы, конечно, не занимаетесь особой работой со своими снами, ставя перед собою какую-либо специфическую цель.

Подчеркиваю, что ум следует игнорировать. Что же касается личного, коллективного и космического бессознательного — все это относится к сфере ума. Вы же стараетесь это запомнить. Чтобы вас помучить, вполне достаточно сознательного ума. К чему же запоминать еще и проявления бессознательного?

На Востоке знали, что сферой сознательного ум не исчерпывается, что под ним скрыто бессознательное, а под последним — коллективное бессознательное. А над всеми ними находится сверхсознание, над ним — коллективное сверхсознание, а еще выше — космическое сверхсознание. И, говоря об «уме», я подразумеваю весь этот спектр, составляющий, подобно радуге, единое целое.

Так игнорируйте его целиком.

И нет никакой надобности в запоминании. Многие попадают в психиатрические лечебницы как раз по причине того, что вследствие какой-то случайности их коллективное бессознательное выплеснулось в виде воспоминаний. Бремя их оказывается слишком тяжело для сознания, последнее просто не в силах с ним справиться, и человек сходит с ума. Допустим, в вашем коллективном бессознательном хранится информация о том, что женщина, являющаяся сейчас вашей женой, приходилась вам в прошлой жизни матерью. Нелегко будет вашему сознанию справиться с подобным воспоминанием. Как теперь относиться к жене: как к жене или как к матери? Вполне достаточно было бы, если бы она была одной женой или одной матерью — а то обе сразу! Это приведет вас в смятение, поскольку интимные отношения с матерью для вас исключены: сказывается табу, действовавшее на протяжении тысячелетий. А как быть с женой? Она ведь ничего такого не помнит и, пожалуй, скажет: «Да ты с ума сошел! Забудь эти глупости!» Но вы не сможете забыть...

В природе все замечательно устроено: с каждой смертью толстый слой забвения ложится на вашу память. Вы несете в себе память обо всех своих воплощениях. Но крохотному человеческому существу и со своим крохотным сознанием, вмещающим всего одну жизнь, нелегко. Что говорить о выплеске в это сознание воспоминаний о многих жизнях! Да человек просто обезумеет — сработает естественный защитный механизм.

Однажды...

Я был в Джабалпуре. Ко мне привели девочку. Должно быть, ей было тогда лет девять. Девочка помнила всю свою прошлую жизнь, да так ясно, что воспринимала ее не как воспоминания, а скорее как нечто, естественным продолжением чего явилась ее нынешняя жизнь. Природа, вероятно, случайно недоглядела, и между прошлой и нынешней жизнью девочки не оказалось барьера. Всего в восьмидесяти милях от Джабалпура расположено местечко Канти. Родилась она в Канти, однако помнила, что ее семья жила в Джабалпуре. Помнила имена, помнила своего мужа, сына, свой дом — помнила все. Один из моих друзей привел ко мне этих людей.

«Как странно, что они живут всего в трех-четыре кварталах от моего дома», — подивился я. У них был бензонасос, и каждый день я отправлялся к ним за бензином. «Вы подождите, —

предложил я этим людям. — Подождите, пока я схожу за ними — за братьями Пат-хак — и увидим, вспомнит ли их девочка.»

И вот они явились со своими слугами и несколькими соседями. Их было всего двенадцать-тринадцать человек — целая процессия. Так что можно было проверить, узнает ли девочка... Она немедленно подбежала и со словами: «У знаешь меня, брат?» — ухватила за обоих братьев. Ухватила лишь за них двоих среди тринадцати человек и тут же стала интересоваться здоровьем матери и детей,.. расплакалась при известии о кончине отца. То были не воспоминания — продолжение. Братья повели ее к себе домой, и тут-то возникла проблема. Девочка разрывалась Между тем, чтобы отправиться жить со своей Нежной семьей в Джабалпур, и тем, чтобы вернуться в Канти к своей новой семье, в которой она на этот раз родилась.

Конечно, ее больше тянуло в прежнюю семью, с которой она прожила семьдесят лет. В своей теперешней семье она родилась всего девять лет назад и не испытывала к ней такого притяжения, и все же это была ее семья, ее настоящая семья. С той, другой семьей она была связана лишь воспоминаниями. Для нее это стало душераздирающей проблемой. И обе семьи пришли в замешательство. Ведь если девочка останется в Джабалпуре, она будет постоянно вспоминать свою прежнюю семью, беспокоиться о ней и испытывать порыв в нее вернуться. Вернувшись, может почувствовать желание жить в Джабалпуре.

В конце концов, вследствие ненормальности происходящего, в котором не было ничего духовного, я вынужден был предложить единственный, на мой взгляд, выход: загипнотизировать девочку на несколько дней и создать отсутствующий барьер. Необходимо было подвергнуть ее гипнозу, чтобы в памяти ее стерлось прошлое. В противном случае ее жизнь грозила обернуться несчастьем.

Обе семьи понимали, что необходимо что-то предпринять. И чтобы прошлое было забыто, девочку подвергли непрерывному 10-дневному гипнозу. Потребовалось 10 сеансов для создания хотя бы какого-то барьера, способного предотвратить проникновение воспоминаний из ее прошлой жизни в новую.

Я справлялся, как сложилась жизнь девочки. Сейчас у нее все в полном порядке: она замужем, растит детишек и благополучно обо всем позабыла. А когда те люди приходят ее проведать, она даже не узнает их. Но барьер очень тонок и искусственен. Любая случайность способна разрушить его. Любому гипнотизеру достаточно десяти сеансов, чтобы уничтожить его с легкостью. Это может также произойти в результате сильного шока. Так что вам нет никакой необходимости запоминать. Все с вами в порядке.

Нам следует освободиться от власти ума. На Востоке были известны все уровни ума, но при этом акцент там делался совсем иной, нежели на Западе, а именно .«Игнорируйте все их, ведь за всеми этими уровнями лежит чистое сознание?»

Западная психология — еще дитя. Родилась она лишь в конце прошлого столетия. Ей и века еще не исполнилось. Но она уже подхватила стремление проникнуть в природу сновидений и докопаться до самых глубин ума... А там ничего нет!

Там можно обнаруживать лишь все большее количество воспоминаний и сновидений, а их освобождение в конце концов приводит к разрушению личности, становящейся жертвой ненужного и непосильного бремени. Человеку требуется выйти за пределы ума, а не копать в нем.

А за пределами ума не станет и памяти. Просто возьмите и отбросьте само понятие своего ума. Не связывайтесь с ним! А иначе в подарок он преподнесет вам лишь ненужные затруднения и кошмары. Превзойдите ум, трансцендируйте его. Направьте все ваши усилия на то, чтобы отделаться от ума, и вы отделаетесь и от воспоминаний, снов, опыта. Вы попадете в самый центр своего существа. Только там вы почувствуете нечто бессмертное. Только там впервые вы

узнаете, что такое интеллект.

Вопрос 3

Любимый Бхагван,

Лишь теперь я обнаружил, что отношения между мастером и учеником носят поистине двусторонний характер. Для выполнения своей работы мастеру необходима со стороны ученика открытая обратная связь. Я же, напротив, оставался всегда лишь пассивным наблюдателем, сохраняя дистанцию и делая собственные выводы. Прошу прокомментировать,

Мастер никогда и ничего не делает сам. Следовательно, если держаться в стороне от него, с вами так ничего и не произойдет.

Мастеру не нужны ваши открытость и восприимчивость для того, чтобы что-то сделать. Они требуются для того, чтобы само его присутствие помогло чему-то в вас произойти. А это не одно и то же.

Делать что-то - означает прилагать положительные усилия. А просто помогать собственным присутствием чему-то в вас произойти — это уже совсем другое дело. Здесь речь уже не идет ни о каких положительных усилиях.

Усилия прилагаются учеником.

Итак, ваше открытие неверно: это не двусторонние взаимоотношения. Это не дорога с двусторонним движением, а лишь улица с односторонним. Тут вам самому решать, быть или не быть открытым, готовым и доступным.

Когда вы находитесь в присутствии мастера — это подобно свету: вы открываете свои глаза, и свет — здесь.

Но сам по себе свет не ищет имен: только ваших глаз. Вы можете смежить веки, и он не станет в них стучаться. «Пожалуйста, откройте ваши глаза!» Пусть ваши глаза остаются закрыты — свет очень демократичен, он не станет вмешиваться. Но, открыв глаза, вы видите свет. И не просто свет, а еще многое в нем: цветы, людей — весь мир.

И тем не менее вы не можете сказать, что этот свет что-то по отношению к вам совершил. Это в вас что-то происходит. Что-то, чего без света бы не происходило, так что необходимость его присутствия очевидна. Но лишь присутствия, не действия.

Действие требуется от вас. Именно действие, а не просто присутствие. Вы можете сколько угодно присутствовать, оставаясь закрытым, и ничего из этого не выйдет.

Ученик должен все делать сам. И в этом прелесть феномена.

Иначе вы превратились бы в куклу в руках мастера. А тогда он смог бы сделать из вас что ему вздумается: шаблон, идеал, разрушив тем самым вашу индивидуальность, уничтожив вашу свободу. Но ни один мастер, достойный своего имени, не будет этого делать.

Мастер может отдать вам все свое существо, сделать его полностью доступным для вас. Но лишь в качестве присутствия, не в качестве действия.

Последнее остается за учеником. Вы должны быть восприимчивы и молчаливы. Вам необходимо медитировать и относиться с доверием ко всему, поскольку это ваша жизнь, и вы за нее в ответе. Вы не картина, которую мастер-художник может менять по своему вкусу.

Я слышал, в одной маленькой школе однажды вывесили прекрасную картину, написанную Учителем рисования. Ему хотелось, чтобы все ученики могли оценить искусство и мастерство живописца.

«Перед вами явление весьма тонкое, — обратился он к ученикам. — Взгляните на картину.»

«О да, мы видим человека с грустным лицом», — отвечали те. Тогда художник приблизился

к картине и добавил всего пару мазков. Вся она переменялась — теперь лицо улыбалось. А поскольку оно улыбалось, переменялся и эффект, создаваемый изображенным: деревьями, цветами и звездами. Это произвело на всех, в том числе и учителей, сильное впечатление... Собрались родители. Все были потрясены. И лишь один маленький мальчик оставался безразличным.

«Разве тебя это не интересует?» — спросил художник.

«Да нет, интересует, — ответил мальчик. — Но я не вижу тут ничего особенного. Моя мама делает так каждый день.»

«Что ты хочешь этим сказать? Она что же у тебя художник?» — удивился учитель.

«Какой там художник! — ответил мальчик. — Но стоит мне прийти домой улыбающимся, как она одним шлепком превращает для меня весь мир в слезы, одни лишь слезы и плач. Хотите, я прямо здесь покажу вам, как это происходит? Я уже тоже неплохо в этом разбираюсь — ведь происходит это изо дня в день.»

С этими словами он попросту подошел к сидящей неподалеку маленькой девочке и ударил ее. Девочка заплакала. Перед этим она улыбалась и радовалась — и вдруг удар! Слезы брызнули из ее глаз, и она разразилась плачем. Слезы девочки и мастерство мальчика повергли собравшихся в молчание. Даже учитель рисования заметил: «И то правда... А я-то думал, что занимаюсь великим искусством. Твоей маме виднее. К чему кисти и краски... Достаточно одного удара, чтобы весь мир изменился.»

Мастер может сам изменить вас, но перемена эта слишком дорого вам обойдется. Он многое может сделать, но это будет все больше и больше делать из вас раба. Вы приходите за освобождением, а процесс поворачивает в неверное русло.

Подлинный мастер никогда ничего не делает сам. Он делает себя доступным во многих отношениях. Он также учит вас быть доступным, открытым и восприимчивым. И тогда, каким бы ни был ваш потенциал, он начинает расти в благословенных потоках, излучаемых мастером. Но расти он будет в соответствии со своей подлинной сущностью. Ничто не будет привнесено извне. Пожалуйста, обратите ваше внимание на ложность ваших наблюдений: нет двустороннего движения. Со стороны мастера никакого движения не происходит.

Вы должны что-то делать сами. Несомненно, мастер присутствует и он доступен — доступна его любовь. И осененные лучами его любви, вы начинаете расти. Но при этом он не прикасается к вам, предоставляя вам быть всем, чем вы только можете. И, какова бы ни была ваша судьба, он не уведет вас от нее. Мастер являет собой молчаливую помощь: не касаясь вас, он трансформирует вас. И в этом состоит его чудо.

Вопрос 4.

Любимый Бхагван,

Лучше всего медитация удается в Вашем присутствии. И если бы меня спросили, почему, я ответил бы, что ваше благословенное присутствие заразительно и неким образом побуждает меня к наиболее полному самовыражению.

Любимый Бхагван, не могли бы Вы еще раз объяснить, как достичь столь же прекрасного медитативного состояния без фактора Вашего присутствия?

Мое присутствие — только урок. Если вы постигли искусство открытости, искусство безмолвия, для вас уже не будет иметь значения, присутствую я или нет. Если вы действительно владеете этими искусствами, такое сможет происходить с вами где угодно. Поначалу может быть трудновато, но вскоре вы приобретете сноровку.

Это почти как плавание. Учитель плавания просто вселяет в вас мужество и доверие и при этом находится рядом, чтобы с вами ничего не стряслось. Три-четыре дня часовых тренировок — и вы умеете плавать. И в момент, когда это получится, вы еще и подивитесь, как же это у вас сразу не выходило. Здесь нет ничего сложного. Просто поначалу вы не очень-то искусно выполняли движения руками, они были случайными. Всего за три-четыре дня вы освоили плавные, гармоничные движения рук, и вот вам больше не нужен учитель. Теперь вы в состоянии плыть куда угодно, на любое расстояние: глубина уже не имеет для вас значения — ведь вы плывете на поверхности. Будь она хоть тысячу футов, хоть десять тысяч, даже пять миль — вам-то что? Вы-то ведь всегда плывете на поверхности! Если вы научились...

История не знает примеров, чтобы кто-нибудь научился плавать, а потом вдруг взял и забыл, как это делается. Вы можете не плавать целых пятьдесят лет. Но стоит кому-то столкнуть вас в бассейн, как вы поплывете. Это не тот случай, когда можно сказать: «Да я уже пятьдесят лет не плавал.» Дело здесь не в практике. Скорее, в сноровке. С момента, как вы ее приобрели, уже не утратите.

Медитация — тоже дело сноровки.

Вы не должны привыкать к присутствию мастера. В противном случае это будет означать, что ваше обучение идет в неправильном ключе. Вам необходимо научиться раскрываться. Забудьте о мастере. Это его личное дело — присутствовать ему или нет. А ваше дело — наблюдать за тем, как вы раскрываетесь. А затем попытаться сделать то же самое, когда вы один, и посмотреть, получится или нет. Должно получиться.

Возможно, поначалу это покажется трудновато: бессознательно у вас появится определенная привязанность. Но не можете же вы предложить учителю следовать за вами повсюду, куда бы вы ни поплыли. Так не получится. Тогда каждому пловцу потребовался бы персональный учитель. Не многовато ли? Персональный мастер рядом с каждым медитирующим. Это бы обошлось слишком дорого. Да и надо ли? Вам необходимо лишь наблюдать за тем, что с вами происходит, и позволить тому же происходить с вами и в отсутствие мастера.

О, вы можете использовать визуализацию. Мастер может находиться на расстоянии нескольких миль от вас. Но для вас он будет рядом, всего лишь в нескольких футах. Это лишь вопрос визуализации: просто создайте зрительный образ вашего мастера на расстоянии нескольких футов...

Пространство не имеет значения. Вам нужно только понять, что происходит с вами, и вы сможете воспроизвести это в отсутствие мастера. В противном случае человек привыкает к

тому, что было дано ему лишь в качестве помощи,.. теперь же только мешает. Присутствие мастера было призвано помочь вам; и оно становится помехой, раз в его отсутствие вы уже неспособны медитировать.

Помните: в вас не должно расти никакой привязанности, никакой зависимости. Это может лишь встать на вашем пути к свободе, к собственной индивидуальности. А если это происходит здесь, значит, это может произойти где угодно. Требуется лишь немного понимания того, как это происходит.

Вы только попробуйте. И даже если несколько раз ничего не получится, не отчаивайтесь. Это умение придет к вам. А с момента, как вы его приобрели, вам уже не понадобится помощь извне, даже самая незначительная поддержка — такая, как присутствие мастера. И тогда ощущение необычайного чувства свободы принесет вам величайшую радость. И вот для вас более не существует преград. Где угодно вы можете входить в состояние медитации. В состоянии безмолвия. В состоянии покоя. Отныне ваш собственный рай — в вас самом.

И покуда этого не произошло с учеником, он не достиг зрелости.

Вопрос 1

Любимый Бхагван!

Что низводит меня в Вашем присутствии и при одной лишь мысли о нем на уровень истеричного, нелепого ребенка? Связано ли это с некоей нелепостью, присущей взаимоотношениям мастера и ученика, или же с моей собственной психической незрелостью: а может быть, и с тем, и с другим сразу?

Панкайя, человечество еще не достигло зрелости. У нас лишь лица людей, в то время как наше сознание плетется далеко позади. В обыденном мире легко носить маску, легко притворяться и лицемерить. Но когда вы приходите к мастеру.. само ваше стремление прийти к нему указывает на величайшую внутреннюю потребность увидеть свое истинное лицо, познать себя.

Личина, которую вы сейчас носите, — не есть ваше истинное лицо, не есть вы.

Я говорю вам, что вы — это не вы, и вы это знаете.

Мастер — это только зеркало. Вам не удастся обмануть зеркало, ведь оно — всего лишь отражение вашей сущности. Существует древняя притча об одной очень уродливой женщине, которая ненавидела зеркала, полагая так же, как и все вы полагаете, что в уродстве ее повинно зеркало, ведь когда его не было — исчезало и уродство. Ненависть ее возросла до того, что стоило ей увидеть зеркало, как она разбивала его. Притча эта весьма наглядна. Именно так мы и поступаем в жизни тем или иным образом. Мы старательно избегаем любого отражения своей сущности, поскольку оно не льстит.

Панкайя, если в моем присутствии или даже думая обо мне, ты вдруг почувствуешь себя незрелым, как умственно отсталый ребенок, не пытайся объяснить это себе. Это правда. И правда эта касается не тебя одного: она касается всего человечества. Просто тебе повезло, что ты узнал об этом. Ты встретился с зеркалом.

И если ты разобьешь его, это тебе не поможет.

Греки отравили Сократа, однако это их не спасло — он был зеркалом. Евреи распяли Иисуса, но это им не помогло — он был зеркалом. Убийство аль-Хиллая Мансура не улучшило положения магометан — он был зеркалом.

Напротив, в результате все они остались на запоздалом, детском уровне развития, поскольку некому было больше указать им на то, кто они есть и где находятся. Все они затерялись в толпе подобных им отсталых детей.

После I мировой войны в Германии была впервые осуществлена попытка вычислить средний умственный возраст солдата. Тысячи солдат участвовали в опыте, подвергаясь множеству экспериментов. Результаты оказались ошеломляющими и нанесли удар по гордости всего человечества.

Оказывается, средний умственный возраст солдата — всего 14 лет.

А средний возраст тех, кто солдатами не является, ненамного превышает данный. Человеку может быть хоть 70 лет: тело его может состариться, но ум по-прежнему останется на уровне развития 14-летнего возраста. Иногда вы сами можете по себе это заметить, а в определенных ситуациях — и по другим.

Каждой женщине знакомы вспышки раздражения — их нельзя рассматривать как признак зрелости. Каждый мужчина знает, что такое закурить, когда нервничаешь. Курение, хотя ничем и не помогает, зато отвлекает ум от нервозности.

Курят только нервные люди. И вы могли заметить, что в какие-то дни вы курите больше, в

какие-то — меньше. Обычно вы больше курите в дни больших волнений, мук и напряжения. Мир становится невыносим. Ваше волнение достигает такого накала, что вам необходимо переключить свой ум на что-нибудь другое, несложное, что-нибудь, в чем никто иной бы не участвовал и не усложнял бы вам жизнь.

Сигарета действует исключительно облегчающе и успокоительно, поскольку содержит то же химическое вещество, что чай и кофе, дающее на мгновение определенный успокоительный эффект. На более специфическом уровне курение Дает сходство с глубоко укоренившимся воспоминанием о кормлении грудью. Грудь и молоко почти такие же теплые, как дым от вашей сигареты или сигары. Сигарета или сигара оставляют на ваших губах почти такое же ощущение, как и соски матери. И дым проникает в вас, как молоко через сосок. Вы впадаете в детство — те золотые дни, когда не существовало ни забот, ни проблем, ни волнений. Поэтому, стоит вам начать нервничать, как вы хватаетесь за сигарету.

А когда вы не нервничаете, когда вы полны блаженства и радости, вы совершенно забываете о ней.

Все курильщики — это люди отсталые в развитии. Таким образом, большинство людей в мире — отсталые. Существуют и другие замены. Вы можете и не быть курильщиком, полагая: «Я не отсталый человек, потому что я жую жвачку.» А это еще хуже сигарет! Если вас устраивает такое никчемное и бессмысленное занятие, как излишнее утомление рта и зубов, значит, вы не просто отсталый человек, но к тому же и тупой.

Но, оказывается, прав был Чарльз Дарвин. Сколькими способами ни пытались ученые опровергнуть теорию эволюции, им предложенную, психологическая значимость этой теории столь велика, что даже опровержение самой теории не способно эту значимость уничтожить.

Взять, к примеру, обезьяну. Животное не способно усидеть на одной ветке, не меняя своего положения. При этом обезьяна постоянно что-нибудь жует — и так день напролет. Она жует непрерывно с момента, как проснулась, и до тех пор, пока снова не уснет. Возможно, человек все еще не освободился от этого животного наследия, хоть он и ходит на двух ногах, что не составляет такой уж большой разницы. Насколько мне известно, обезьяны не считают, что вы опередили их в развитии. Сама эта идея их весьма забавляет. Они уверены, что вы свалились с деревьев. И в этом есть резон. Вы уже не так сильны, как обезьяны: вам не под силу ни жить на деревьях, ни преодолевать расстояния в несколько миль, перепрыгивая с одного дерева на другое. Вы утратили ту красоту тела, которой наделена обезьяна. А все из-за того, что начали ходить на двух конечностях...

Обезьяны рассуждают так: «Вот бедняжки эти обезьяны, которые и на деревьях-то жить не могут! — а ведь это жизнь, полная борьбы, риска и опасностей. — Мало того, что эти трусы спустились на землю и начали ходить на двух ногах, они еще придумали теорию эволюции ради оправдания собственной трусости!» Ни одна обезьяна не признает теорию эволюции.

Если мое присутствие, Панкайя, вызывает в тебе ощущение собственной детскости, незрелости твоего ума — прекрасно, что ты осознаешь это.

Как только до тебя дойдет, что твое развитие на чем-то затормозилось, что нечто блокирует твое сознание, так у тебя появится и возможность для устранения этих блоков. По существу, само осознание наличия подобных блоков устраняет их.

Существуют вещи, которые необходимо осознать. Осознание само по себе совершает трансформацию, не подразумевая действия для осуществления изменений. Обнаружив детскость своего ума, вы можете также увидеть и то, что вы им не являетесь; а иначе кто же обнаруживает детскость ума. Существует некто за пределами ума — некий наблюдатель на вершине холма. Вы лишь созерцаете собственный ум. Но вы абсолютно забыли, кто его созерцает.

Созерцайте свой ум, но не забывайте и о том, кто созерцает. Именно в нем, а не в уме,

сосредоточена ваша реальность. А созерцатель — это всегда совершенно взрослое, зрелое, сосредоточенное сознание. Оно не нуждается в росте. С момента, как вы осознали, что ум — лишь инструмент в руках души, наблюдающей со стороны, ваши проблемы отпадают сами собой: теперь вы можете правильно пользоваться умом. Очнувшийся от сна господин начинает распоряжаться слугой по мере своих надобностей. Обычно господин пребывает в состоянии сна. Мы забываем о своем наблюдателе, и слуга становится господином. А слуга — это всего лишь слуга: он не слишком интеллектуален.

Напомню вам основополагающий факт: интеллектуальность присуща созерцающему сознанию, память — уму.

Память — нечто совсем иное, нежели интеллектуальность. Однако на протяжении веков человечество обманывали, косвенно внушая ему, что в памяти и заключается его интеллектуальность. Ваши школы, колледжи и университеты вместо раскрытия вашей интеллектуальности занимаются раскрытием ваших способностей к запоминанию по принципу: кто больше запомнит.

Теперь нам прекрасно известна механическая природа памяти: ею может обладать и компьютер, но не интеллектом.

Причем компьютерная память может оказаться куда лучше вашей.

Недалек тот день, когда вместо ненужного многолетнего изучения истории и географии, химии и физики люди будут просто носить в карманах маленькие компьютеры. И в любой нужный момент подобный карманный компьютер сможет предоставить вам всю необходимую информацию, причем абсолютно верную.

Человеческая память не столь надежна. Ей свойственно забывать, путать, блокироваться. Иногда вы говорите: «Да, помню-помню, на кончике языка вертится...» Странно, не правда ли? Если это вертится у вас на кончике языка, отчего бы не сказать вслух?

Но вы скажете, что это никак не приходит: «Ну вот сейчас с языка сорвется... И я ведь знаю, что я это знаю. Вот сейчас вспомню.» И все же остается некий блок, совсем тонкий, возможно, всего лишь завеса, не пропускающая это воспоминание. И чем больше вы прилагаете усилий, чем сильнее напрягаетесь, тем меньше у вас шансов вспомнить. В конце концов вы забываете об этом, переключаясь на что-то другое: заваривание чая или работу в огороде. И вдруг, поскольку вы расслабились, успев уже совсем забыть об этом, и напряжение ваше улеглось, это приходит вам на память само собой.

Находясь в напряжении, память сжимается. В расслабленном состоянии — расширяется и способна выдать гораздо больше воспоминаний. Напряженная память сужается до такой степени, что почти их не пропускает.

Однако заблуждение, связанное с приписыванием памяти свойств интеллекта, наблюдается уже на протяжении тысячелетий вплоть до настоящего времени. И тем не менее это лишь заблуждение.

Вы можете встретить как людей, обладающих великолепной памятью, но не блестящих интеллектом, так и лишенных развитой памяти интеллектуалов.

Говорят, Томас Альва Эдисон,.. — возможно, единственный человек, прославившийся по меньшей мере тысячей изобретений, в принципе не обладал памятью.

Как-то в годы I мировой войны он стоял в очереди за продуктовой карточкой. Такие карточки тогда появились впервые. Мало-помалу очередь его приближалась. И вот, наконец, он оказался первым. «Томас Альва Эдисон!» — выкрикнул служащий. На что тот принялся оглядываться, успев забыть собственное имя. Ведь столько лет минуло с тех пор, как отец с матерью, когда еще были живы, звали его по имени. Он давно уже стал таким знаменитым, выдающимся ученым, великим профессором, что никто уже не называл его по имени. К нему

обычно обращались: «профессор». Вот он и забыл.

К счастью, один из стоявших в очереди обратил внимание на сходство с Томасом Альва Эдисоном чудака, стоявшего впереди и озиравшегося по сторонам. «Как вас зовут?» — поинтересовался он.

«О, Господи, мне надо сходить домой и узнать у жены», — ответил тот.

«Насколько мне известно, вы Томас Альва Эдисон», — предположил собеседник Эдисона.

«Кажется, я уже слышал это имя, — согласился тот. — Очень может быть, что это я и есть.

Если никто больше не претендует на эту карточку, то, вероятно, она моя.»

И это человек интеллекта столь блистательного, каких мало.

Но, отправляясь в турне со своими лекциями, целуя жену, прежде чем сесть в машину, и помахав служанке на прощание рукой, он слышал в ответ: «Вы перепутали: это я ваша служанка, а она жена!»

На что он замечал: «Целыми днями я настолько занят своими экспериментами, что дома оказываюсь лишь ночью. Я видел собственную жену при свете так давно, что прошу меня извинить. Ну давайте же я поцелую настоящую жену, помашу служанке и, наконец, уеду. Поезд уже на платформе.»

Налицо полное отсутствие памяти. Его жена имела обыкновение записывать за ним его мысли... Ведь случалось так, что на ум ему приходила мысль, но незаконченная, обрывочная. И тогда он спешил поделиться ею с кем-нибудь, пока не забыл. И просил того, кто оказывался рядом: «Прошу вас записать эту мысль и сохранить для меня. А когда она снова мне понадобится, напомните ее мне, поскольку это лишь половина мысли. Ко мне, конечно, придет и вторая половина, но я боюсь к этому моменту забыть первую.»

Как-то ему предложили: «Почему бы вам не завести записную книжку, раз у вас такие странности?»

На что ученый ответил: «В том-то и проблема, что когда-то я заводил их, но потом стал постоянно забывать, куда я их деваю. И это только создавало дополнительные трудности. А так мне гораздо удобнее. По крайней мере ответственность за первую половину мысли лежит на ком-то другом, и он мне сам напоминает: «У меня половина вашей мысли. Если к вам в голову придет вторая, избавьте меня, пожалуйста, от этой.»

В Индии, так же, как и в Аравии, Китае, Греции, Риме и вообще странах с древней культурой, язык опирается не на интеллект, а на память. Без помощи интеллекта вы можете стать выдающимся знатоком санскрита, достаточно лишь совершенства вашей памяти.

По принципу попугая... Не понимая, что он говорит, попугай может выговаривать это абсолютно правильно, да еще и с хорошим произношением. Его можно обучить чему угодно.

Так что все древние языки мира опираются на память. Как и мировая система образования. На экзаменах студенту задают вопросы не на интеллект, а на память: на то, как много он способен запомнить из материала учебников. Вы обращаетесь со своей памятью так, будто это интеллект. И в этом кроется колоссальное непонимание. Исходя лишь из собственных знаний, памяти и способности цитировать первоисточники, вы возомнили себя взрослыми, зрелыми, знающими и мудрыми.

Здесь-то и кроется, Панкайя, ощущаемая вами проблема.

Я не являюсь приверженцем памяти. И мои усилия направлены на то, чтобы спровоцировать в вас те движения, которые привели бы вас к вашему интеллекту.

Не важно, как много вы помните. Важен ваш опыт самопознания. А для изучения своего внутреннего мира требуется огромная сила интеллекта. Память здесь бесполезна. Конечно, если вам так хочется сделаться человеком науки, профессором, стать эдаким ученым мужем, вы можете просто забивать память первоисточниками и гордиться обширностью своих познаний. И

другим тоже будет казаться, что вы человек очень сведущий. Однако в глубине вас, за вашей памятью, притаится невежество.

Но от меня вам его не скрыть. Всевозможными способами я добиваюсь того, чтобы вы оказались лицом к лицу с собственным невежеством. Поскольку чем скорее вы его обнаружите, тем скорее от него и избавитесь. А знание — это опыт столь удивительный, что в сравнении с ним все взятые напрокат знания покажутся вам чистым идиотизмом.

Я слышал об одном японском архиепископе, пожелавшем обратиться в Христианскую веру мастера Дзэн. Ничего не зная о глубинах внутреннего мира, ничего в нем не понимая, он пришел к мастеру. И был принят им с величайшей любовью и уважением.

Архиепископ раскрыл принесенную с собой Библию и принялся читать мастеру Нагорную проповедь. Желая потрясти мастера Дзэн, он сказал: «Мы последователи этого человека. А что вы думаете о нем, о его словах?»

Не успел он прочесть и нескольких предложений, как мастер прервал его. «Достаточно, — сказал он. — Вы следуете за хорошим человеком. Но и он следовал за хорошим человеком. Ни вы, ни он не знаете. Возвращайтесь домой.»

Архиепископ был страшно шокирован: «Вы могли хотя бы позволить мне дочитать.»

«В этом нет ничего удивительного, — ответил мастер. — Если вы знаете нечто, вы говорите это. Закройте вашу книгу: мы не верим в книги! Истина заключена в вас, а вы ищете ее в мертвых книгах. Ступайте домой и ищите внутри себя. И если найдете, приходите. Если вы думаете, что те строки, которые вы мне повторили, от Иисуса Христа, вы ошибаетесь.» Иисус Христос лишь вторил Ветхому Завету. Всю свою жизнь он пытался убедить людей, что является последним пророком еврейского народа. Он никогда не знал слова «христианин», не слышал слова «Христос». Он был рожден евреем, прожил свою жизнь евреем и умер евреем. И все его усилия были направлены на то чтобы убедить евреев: «Я ваш долгожданный пророк, спаситель, завещанный Моисеем.

Евреи могли бы простить его... Они неплохие люди и отнюдь не сторонники насилия.

Народ столь разумный, как евреи, не может быть привержен насилию. Именно евреям достаются 40% всех нобелевских премий, что выходит за всякие рамки пропорции: чуть ли не половина всех премий приходится на долю евреев, а другая половина - на весь остальной мир.

Столь разумные люди не стали бы распинать Иисуса, говори он что-нибудь из области собственного опыта. Но он не черпал все это из личного опыта, а лишь заимствовал, претендуя на авторство. Такой нечестности евреи простить не смогли. Будь это иначе, Иисус никому бы не мешал в такой степени. Ну был бы он эдаким досадным явлением, как, к примеру. Свидетели Иеговы или поющие «Харе Кришна», просто маленьким досадным явлением. Если такие доберутся до вас, они не станут вас слушать, а примутся учить мудрости и давать всякого советы. Вы не находите это интересным и просто уходите по другим делам, предпочитая побыть в одиночестве. Но они-то обязаны вас спасти! И не важно, хотите вы этого или нет _ вы должны быть спасены. Однажды в предзакатный час сидел я на берегу Ганги в Аллахабаде, как вдруг услышал крики, доносившиеся с реки-«Спасите! Спасите “вовсе не заинтересован в том, чтобы спасать кого бы то ни было. Вследствие этого я огляделся по сторонам, предоставляя возможность сделать это тому, кто заинтересован. Однако никого вокруг не оказалось, и в конце концов прыгать пришлось все-таки мне.

Мне пришлось нелегко... Это оказался весьма тяжелый, тучный человек. Самый толстый человек, какого только можно сыскать во всем Аллахабаде и Варанаси! Брамин, индусский священник, занимающийся исключительно обжорством.

Наконец я его вытащил. И тут он напустился на меня: «Для чего вы меня спасли?»

«Ничего себе! — возмутился я. — Вы же сами просили о помощи. Вы же кричали:

спасите!»

«Это я просто испугался смерти, — возразил тот. — А вообще-то я пытался покончить с собой.»

«Простите, — извинился я, — мне это как-то не пришло в голову.»

И с этими словами столкнул его в воду!

«Помогите!» — снова закричал он. «Ну нет, теперь дожидайтесь кого-нибудь другого. А я буду сидеть и наблюдать за вашим самоубийством», — ответил я.

«Да что вы за человек? Я же умираю!» — кричал тот.

«Ну и умирайте, — согласился я. — Это ваше личное дело.»

Но есть люди, которые просто не могут вас не спасти.

Мастер Дзэн сказал архиепископу: «Иисус вторил прежним пророкам. Вы вторите Иисусу. Повторение никому не приносит пользы. Вам необходим личный опыт — в нем одном избавление и освобождение.»

Это хорошо, Панкайя, что ваш ум начинает казаться вам незрелым, подобным ребенку. Не забывайте о том, кто наблюдает за этим ребенком — вашим незрелым умом, — и пребывайте с наблюдателем. Оставьте все свои привязанности к уму, поскольку ум — лишь механизм. И тогда этот механизм будет превосходно работать. А с момента пробуждения в вас наблюдателя впервые начнет развиваться ваш интеллект.

Работа ума связана с памятью. И по этой части он мастер. Но общество отяготило ум интеллектуальной деятельностью, которая вне его компетенции. Это лишь искалечило память, но не увеличило вашего интеллекта, сделав вашу память способной ошибаться. Помните всегда, что ваши глаза предназначены для того, чтобы смотреть. Не пытайтесь ими услышать. Для этого у вас есть уши, но не пытайтесь ими увидеть. А иначе сделаетесь ненормальным: имея абсолютно полноценные глаза и уши и пытаясь сделать с этими механизмами нечто, для чего они не предназначены. Если же вы отчетливо различаете в себе наблюдателя, ваше тело будет четко выполнять свои функции, ум — свои, а сердце — свои. При этом ни одно не будет вторгаться в сферу деятельности другого. И жизнь станет гармонична, как созвучия оркестра.

Вопрос 2

Любимый Бхагван!

Отчего я непрестанно чувствую себя таким несчастным? Позволял ли я Вам когда-либо по-настоящему проникнуть в меня? Тем не менее в момент, когда я оказываюсь сидящим перед Вами, все проходит. Что же происходит со мною? Не могли бы Вы полностью избавить меня от этого?

Ответ кроется в самом вашем вопросе. Вам не хочется брать на себя ответственность за собственное существование, и вы ждете, что это сделает за вас кто-то другой.

И в этом единственная причина того, что вы ощущаете себя несчастным.

Но не существует способа, чтобы кто-то другой избавил вас от этого ощущения и даровал вам блаженство. Если вы осознаете, что никто, кроме вас самого, не несет ответственности за то, пребываете вы в несчастье или в блаженстве... вы поймете, что никто, кроме вас, не сможет тут ничего поделать. Несчастье ваше, равно как и ваше блаженство, — дело исключительно ваших собственных «рук». Принять это, однако, непросто. Выходит, я и являюсь причиной собственного несчастья? Каждый привык винить в своих несчастьях других: муж — жену, жена — мужа, дети — родителей, родители — детей. Такая сложная система! Но, возлагая ответственность за свое несчастье на другого, вы не отдаете себе отчета в том, что с ответственностью теряете и свободу.

Ответственность и свобода — лишь две стороны одной медали.

А поскольку вы считаете, что другие ответственны за ваши несчастья... Потому-то и появляются шарлатаны, так называемые спасители, посланники Бога, пророки, без устали твердящие: «Вам не нужно ничего делать, лишь следуйте за мной. Верьте в меня, и я спасу вас. Я ваш пастырь, вы мои овцы.» Удивительно, что ни один человек не восстает против людей вроде Иисуса Христа со словами: «Да это прямое оскорбление называть себя пастырем, а нас овцами; объявлять себя спасителем и ставить нас в зависимость от своего сострадания. И посвящать целую религию вере в себя.» Однако, привыкнув перекладывать ответственность за свои несчастья на плечи других, мы в результате вынуждены принять и блаженство как исходящее от них.

Если перекладываешь на других свои несчастья, естественно от них же ожидать и блаженства. Но что же в таком случае зависит от вас? Если вы не ответственны ни за собственное несчастье, ни за блаженство, в чем же тогда заключаются ваши функции? В чем же тогда цель вашего существования? Неужели лишь в том, чтобы просто быть мишенью для причинения несчастий одними людьми и спасения, блаженства другими? Вы что, просто марионетка? Все веревки в руках у других, и вы уже не уважаете в себе человека, не уважаете себя самое. У вас не находится любви для собственного существа, любви к собственной свободе.

Если же вы с уважением относитесь к собственной жизни, то отвергните любых спасителей. «Убирайтесь! Спасите самих себя; довольно с вас и этого. А это наша жизнь, и мы должны прожить ее самостоятельно. За свои ошибки мы будем расплачиваться несчастьями, и мы безропотно принимаем подобное следствие собственных ошибок.»

Возможно, в том и состоит путь обучения: упав, снова подняться; а сбившись с пути, вернуться обратно.

Допустим, вы совершили ошибку. Но с каждой ошибкой возрастает ваш интеллект. Подобной ошибки вы больше не совершите. А если совершите, это будет лишь означать, что вы ничему не научились. Вы не используете свой интеллект, а действуете наподобие робота. Все

мои усилия направлены на то, чтобы вернуть каждому человеку принадлежащее ему по праву самоуважение, отданное им неизвестно кому. Вся ваша тупость начинается с того, что вы не готовы принять то, что это ваша ошибка, ваша ответственность.

Вы только подумайте: ведь невозможно отыскать такое несчастье, за которое вы не были бы сами в ответе. Будь то ревность, гнев или жадность — что-то в вас самом создало причину возникновения несчастья.

А встречали ли вы на земле кого-нибудь, кто был бы в силах сделать другого блаженным? Ведь и это зависит от вас самого: от вашего безмолвия, вашей любви, вашего покоя, вашего доверия, в результате которых случается чудо. И никто иной его не создает.

В Тибете рассказывают красивую притчу о Марпе. Возможно, этого и не было на самом деле. Тем не менее это очень существенно.

Мне нет особого дела до фактов. Я делаю акцент на существе и истине. А это совсем иное... Марпа услышал об одном мастере. Он искал мастера и, когда наконец пришел к нему, полностью сдался, с бескрайним доверием. «Что я должен теперь делать?» — спросил он мастера. «Если ты полностью сдался мне, — ответил тот, — то ничего больше делать и не нужно. Необходимо лишь верить в меня. Мое имя Должно сделаться твоей единственной сокровенной мантрой. Лишь вспомни его в трудную минуту, и все будет в порядке.»

Марпа на прощание прикоснулся к ногам мастера. И тут же решил это испытать: он был такой простой человек. Он вышел к реке...

Каково же было изумление других учеников, проведенных с мастером годы, когда они увидели Марпу идущим по воде!

«Вы не знаете этого человека, — тут же сообщили они мастеру. — Это не простой смертный: он может ходить по воде!»

«Не может быть», — подивился мастер. Все они бросились к реке, и глазам их предстал Марпа, разгуливающий по воде с песнями и приплясыванием. «В чем же тут секрет?» — стал допытываться мастер, когда ученик приблизился к берегу.

«Как в чем?» — удивился Марпа. — Вы же сами мне его открыли: это сделало ваше имя. Я просто помнил о вас. Я сказал: «Мастер позволяет мне ходить по воде» — и это свершилось. Мастер никак не мог поверить, что его имя...

Сам-то он ходить по воде не умел. Однако как знать...ведь он ни разу не пробовал. Но прежде, чем попробовать, стоило еще как следует убедиться. «А с горы спрыгнуть сможешь?» — спросил он Марпу.

«Как скажете», — ответил тот. Он поднялся на гору и спрыгнул. Остальные стояли в долине, ожидая увидеть лишь куски его тела: уж слишком высока была гора. Но Марпа опустился с нее, улыбаясь, сидя в позе лотоса. Он опустился как раз под то дерево в долине, под которым собрался народ, и уселся перед всеми. Его тут же окружили и принялись разглядывать — ни единой царапины!

«Вот это да! — подивился мастер. — И ты воспользовался моим именем?»

«Именно им я это и совершил», — был ответ.

«Довольно. Теперь и я попробую», — с этими словами мастер ступил на воду и с первого же шага начал тонуть.

Марпа глазам не мог поверить. Ученики попрыгали в реку и кое-как вытащили уже полумертвого мастера из воды. Ему откачали воду из легких, и чудом он остался в живых.

«Как же так?» — недоумевал Марпа.

«Прости меня, — сказал ему мастер. — Я не мастер, я лишь притворщик».

«Но если вы лишь притворщик, как же могло ваше имя совершить такое?» — возразил Марпа.

Притворщик ответил: «То сделало не мое имя, а твое доверие. И не важно, в кого ты веришь. Чудо совершается лишь благодаря любви и вере, их безграничности. Я сам не верю в себя. Я ни в кого не верю. Я лишь всех обманываю — как же я могу верить. Ведь раз я сам всех обманываю, я постоянно ожидаю обмана и от других. Вера для меня исключена. Ты же невинная душа, и поверил в меня. И вера твоя сотворила чудеса.» Какая разница, происходило ли это на самом деле?

Ясно одно: ваши несчастья обусловлены ошибками, а блаженство — верой и любовью.

Вы сами делаете себя рабами и сами объявляете себя свободными. Вы спрашиваете меня: «Почему я чувствую себя несчастным?» А потому, что вы не хотите взять на себя за это ответственность. Просто поймите, в чем состоит ваше несчастье, разберитесь в причинах, и вы обнаружите их в себе самом. Устраните причины, уйдут и Несчастья.

Но людям не хочется устранять причины, им хочется устранять несчастья. Но это невозможно и совершенно ненаучно. А потом вы просите меня помочь вам, спасти вас. А вам вовсе не нужно оставаться попрошайкой. Приходящие ко мне не должны становиться попрошайками. Они не овцы, они императоры. Примите ответственность за собственные несчастья. И вы обнаружите в себе самом причины всех ваших состояний блаженства, свободы, озарения, бессмертия.

И не нужен никакой спаситель. Да и не существовало никаких спасителей. Одни псевдоспасители. Им поклонялись только из вечного желания, чтобы кто-нибудь спасал. Они всегда являлись, поскольку на них постоянно был спрос. А есть спрос, будет и предложение. Ставя себя в зависимость от других, вы утрачиваете собственную душу. Вы забываете, что обладаете столь же универсальным, как и у других, сознанием. Оно столь же велико, как и сознание Гаутамы Будды, просто вы об этом не подозреваете, вы его не ищете. А не ищете его потому, что все озираетесь по сторонам: кто бы вас спас, кто бы помог!

Что ж, попрошайничайте, забывая о царстве, сокрытом в вас самих.

Вы должны понять это как один из основополагающих принципов саньясина: объявление самоуважения, свободы и ответственности.

Вопрос 3

Любимый Бхагван!

Не могли бы Вы рассказать о садхане, основанной на принципе сосредоточенного проникновения в понятия «я» и «я есть» и на задавании себе вопросов типа «Кто я?» или «Откуда берется это понятие «я»?»

Чем данный медитативный подход отличается от созерцания промежутков между вдохом и выдохом? И важно ли при созерцании дыхания фокусироваться на сердечном центре или на центре, расположенном ниже, в области живота?

Такой древний способ медитации существует, но таит в себе много опасностей. Если вы еще не пробудились, он скорее уведет вас в сторону от верной цели, нежели приведет к ней.

Метод прост: концентрируйтесь на концепции я, закрыв глаза и пытаясь выяснить, «кто же я такой».

Величайшая проблема состоит в том, что, когда вы спрашиваете: «Кто я есть?», — кто будет вам отвечать? Скорее всего, ответ придет из ваших традиций, писаний, условий вашей жизни. К примеру, вы слышали: «Я не тело, я не разум. Я душа, я абсолют, я Брахма, я Бог, » — все эти мысли уже приходили вам в голову.

Так вы спросите несколько раз: «Кто я? Кто же я?», — а затем скажете: «Я абсолют, я Брахма». Но это будет не открытием, а просто глупостью.

Если вы хотите правильно применять этот способ, не нужно словесно формулировать вопрос. Не нужно вербально повторять: «Кто я?» Потому что до тех пор, пока этот вопрос будет оставаться в своем словесном выражении, до тех пор ваш ум будет посылать вам на него словесный ответ. Вам следует отбросить словесную формулировку. Должна остаться лишь чистая идея, подобная жажде, но не в формулировке «я испытываю жажду». Улавливаете разницу? Когда вы испытываете жажду, вы ее ощущаете.

А находясь в пустыне, вы ощущаете ее всем своим существом. Вы не твердите: «Мне хочется пить, мне хочется пить.» Это для вас уже не лингвистический вопрос, а насущный.

Если вопрос «Кто я?» является экзистенци-ональным, если вы не высказываете его языковыми средствами, а, наоборот, ощущение его поселяется в центре вас, тогда никакой ответ и не требуется.

Тогда ума это не касается. Ум не услышит не вербализованное и не ответит на него. А все ваши священные писания в уме. И все ваши знания тоже. И вот вы попадаете в невинное пространство.

Вы не получаете ответа. Вы получаете чувство, вы ощущаете вкус, вы чувствуете запах. И по мере вашего углубления вас будет все больше и больше наполнять ощущение бытия, бессмертия, благословения, безмолвия... неиз-реченной благодати.

И никакого ответа типа «Я есть то» или «Я есть это». Все это из священных писаний. Только ощущение из вас самого, ощущение истины о вас.

Действенность данного метода совершенна.

Один из великих мастеров этого века, Рамана Махарши, использовал для своих учеников только этот метод: «Кто я?» Но я встречал сотни его учеников, и ни один из них не постиг сути. А все из-за того, что ответ им наперед известен. «Вам известен ответ?» — спрашивал я их.

«Известен», — отвечали они.

«Но для чего же вы спрашиваете, если вам известен ответ?» — удивлялся я. — Да и нельзя спрашивать так долго. Достаточно двух-трех раз, и ответ придет. Он уже был здесь раньше, чем

был задан вопрос.» Так что это просто игра ума. Играйте в нее, если вам охота. Но если вам действительно захотелось проникнуть внутрь, как подразумевал Рамана Махарши, а также пророки времен античности, то это уже не словесная жажда. Незнание себя приносит боль — это рана. Незнание себя обрекает всю жизнь на бессмысленность. Вы можете знать все; все, кроме себя; и это будет первым, что вам потребуется узнать.

Так что прекрасно, если вам удастся избежать опасности падения в вербальный вопрос. Тогда смело вперед!

Вы также задали вопрос о созерцании собственного дыхания и о том, где этим можно заниматься. Да где угодно. Дело не в том, где вы за ним наблюдаете, а в том, что вы за ним наблюдаете. Акцентируется наблюдение как таковое, само это состояние. Все остальное не имеет значения. Можете созерцать собственное дыхание, сконцентрировавшись на кончике носа, через который оно входит; можете наблюдать, как оно входит; можете — как выходит; причем где угодно. Можете заняться созерцанием внутреннего движения мыслей. Главное, не растеряться перед созерцаемым, сочтя это чем-то важным... Это таковым не является. Важно только то, что вы пребываете в состоянии созерцания, что вы не забываете созерцать, что вы созерцаете... созерцаете... созерцаете.

И мало-помалу, по мере того, как созерцающий становится все более тверд, уверен, спокоен с ним происходит трансформация.

Созерцаемое исчезает. И впервые созерцающий превращается в созерцаемого, наблюдатель становится наблюдаемым. Вот вы и пришли домой.

Вопрос 4

Любимый Бхагван! Я ничего не ждал от Вас. Вы же обвели меня вокруг пальца, подарив столько прекрасного! Должен ли саньясин задавать вопросы, или все должно идти своим чередом?

Все идет своим чередом. Но саньясин всегда должен бодрствовать, чтобы не упустить свой поезд. Поезд приходит в свой черед, но вы должны быть начеку. Вокруг вас столько всего происходит. И 24 часа в сутки, в состоянии сна или бодрствования, вы должны следить за тем, что происходит. И, став бодрее духом, вы поразитесь: происходят те же самые вещи, что и раньше, но меняется их смысл, и они приобретают новое значение.

Роза все та же, но теперь от нее исходит некое излучение, некая новая энергия, о существовании которой вы и не подозревали, — это красота совсем иная. Похоже, раньше вы обращали внимание лишь на внешность розы, теперь же ее внутренний мир предстал вашему взору. Вы видели дворец только снаружи, и вот ступили в его внутренние чертоги. Сотни раз вы видели луну. Но, созерцая ее безмолвно, мирно, в состоянии медитации, вы открываете ее новую красоту, красоту, недоступную ординарному восприятию, для созерцания которой необходимо выработать способность видения сути.

И способность эта возрастает, когда вы пребываете в состоянии мира и безмолвия.

Как-то раз... Это весьма поучительная история. Один индийский поэт, Рабиндранат Тагор, сделал перевод своего небольшого поэтического сборника, Gitanjali, что в переводе означает «Подношение Песен». За этот маленький сборник он был удостоен Нобелевской премии.

Сам Рабиндранат был несколько обеспокоен, поскольку это был перевод, а поэтический перевод — дело всегда непростое. Легко переводить прозу, поэзию всегда невероятно сложно, поскольку прозой изъясняются на рынке, а поэтический слог относится к ведомству любви и красоты, к обители луны и звезд. Здесь нужен весьма деликатный подход.

К тому же каждому языку свойственны свои нюансы, практически не поддающиеся переводу. Так что даже перевод собственной поэзии вызывал в поэте сомнения. И тогда он показал его одному миссионеру-христианину, польско-вавшемуся в те дни большой популярностью. То был С.Ф.Эндрюс, человек весьма культурный, литературно грамотный и утонченный. Эндрюс предложил автору внести четыре изменения. «Здесь все верно, — вынес он свое заключение, — за исключением четырех мест.»

Рабиндранату ничего другого не оставалось, как принять полученный совет и внести соответствующие правки в этих четырех местах.

Его друг, ирландский поэт Йетс, организовал в Лондоне встречу английских поэтов для заслушивания перевода Рабиндраната. Он заслужил всеобщее одобрение. Красота его поэзии являла собой нечто совершенно новое для западного мира.

Однако сам Йетс, один из самых выдающихся поэтов того времени, заметил: «Здесь все верно, за исключением четырех мест, где, похоже, некто не принадлежащий к поэтическому сословию вносил свои правки.»

Рабиндранат не мог поверить. «Что же это за четыре места?» — воскликнул он.

«С грамматической-то точки зрения они верны, — ответил его друг. — Однако с поэтической... Предложивший их знаком с грамматикой, но не с поэзией. Это человек, живущий разумом, но не сердцем. Он перекрыл течение — и будто река ударила о скалу.»

«Я обращался к С.Ф.Эндрюсу, и это его слова, — подтвердил Рабиндранат. — А вот какие слова были прежде.»

И когда он поставил на место собственные слова, Йетс заметил: «Они абсолютно верны, хоть и не с грамматической точки зрения. Но грамматика здесь не имеет значения. В вопросах поэзии грамматика не решает. Верни свои слова на прежнее место.»

Я всегда полагал, что есть пути ума и есть пути сердца. И они не нуждаются во взаимной поддержке. И если ум в несогласии с сердцем, стало быть, не прав ум. В согласии он или в несогласии, не имеет никакого значения. Важно лишь, чтобы сердце пребывало в состоянии мира, покоя, безмолвия, гармонии — как дома. Наше обучение сводится к тренировке ума. Так что ум в достаточной степени проясняется. Однако никто не заботится о сердце. По сути, все его игнорируют: какой от него прок на рынке; что пользы от него в мире, где правят амбиции; оно непригодно в политике, бесполезно в бизнесе.

А на мой взгляд, все наоборот: это ум никому не нужен. Но сердце... Все свершится, только бы сердце было готово вместить. Все приходит, но если ваше сердце закрыто... Потайные пружины жизни таковы, что в его двери и не постучатся. Бытие умеет ждать. Оно способно ждать целую вечность. Все зависит исключительно от вас. Каждое мгновение все готово свершиться. Распахните лишь все свои двери, все окна, предоставляя сущему со всех сторон изливаться на вас. Нет никакого иного бога, кроме сущего. И нет никакого иного рая, кроме вашего собственного бытия. Когда сущее изливается в ваше бытие, в вас входит рай, или вы входите в рай — это одно и то же, только в разных формулировках.

Лишь помните: никто от вас ничего не ожидает.

Все религии веками твердили вам: делайте то, делайте это. Твердили, что вы должны заниматься самоистязанием, отказываться от удовольствий, бороться с собственным телом, отвергать мир. В священных текстах Буддизма содержатся тридцать три тысячи принципов, которых должен придерживаться саньясин. Их и упомянуть-то все практически невозможно, не говоря уже о том, чтобы им следовать.

Я не предлагаю вам следовать ни одному принципу. Просто поймите, что это ваша жизнь — наслаждайтесь ею, позвольте ей стать в вас песней, танцем. Вам ничего не нужно специально делать — лишь быть доступными.

И небо осыплет вас цветами.

**Я ОТВЕЧАЮ НА ВАШИ ВОПРОСЫ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ УБИТЬ ИХ.**

12 октября 1986 г. Бомбей

Вопрос 1

Любимый Бхагван,

В чем разница между подчинением мастеру и следованием его предписаниям?

Многогранный вопрос.

Прежде всего мастеру не нужно, чтобы ему подчинялись. Ему надо, чтобы его понимали. Он не станет давать предписаний. Ваше любящее сердце само отыщет их в его присутствии. Это означает, что те, кто отдает приказы и ожидает их исполнения, не являются подлинными мастерами. Мастер не командир. От него не может исходить ничего подобного «Десяти Заповедям». Конечно, он поделится с вами своим опытом, своим пониманием. А правильный выбор поведения будет зависеть от вашей сознательности. Здесь не прямое указание, а лишь призыв к вашей сознательности.

В случае приказа ваша сознательность не играет роли. Приказ никогда не требует от вас понимания. Суть всех приказов в низведении людей до уровня роботов. По всему свету, в каждой армии людей миллионами превращают в машины. Но, разумеется, так, что они об этом и не подозревают. Это делается косвенно.

Почему тысячи людей каждое утро маршируют, повинуются приказам :«Напра-во! Налево! Впе-ред! На-зад!» — чего ради весь этот цирк? А это продолжается за годом год. Чтобы уничтожить вашу сознательность.

Стратегия состоит в том, что на протяжении лет вы непрестанно исполняете всякого рода тупые, бессмысленные приказы. Ежедневно, утром и вечером... И попробуйте спросить, зачем. Вы просто обязаны это делать, и делать как можно лучше. Вам не нужно понимать, зачем. И если подобная дрессировка длится годами, ее естественным результатом становится то, что у человека более не возникает вопроса «зачем». А почему? Да потому, что в основе сознательности лежат вопросы.

С момента, как вы перестанете задаваться вопросом «зачем», рост вашей сознательности остановится.

Как-то в годы второй мировой войны...

Один отставной вояка... Он воевал в годы первой мировой войны и удостоился высоких наград. Это был храбрый солдат. Но с тех пор минуло уже без малого двадцать пять лет, и он вел тихую жизнь, распорядившись небольшой фермой. И вот как-то он шел с фермы к себе домой с ведром, полным яиц. Как несколько кабацких завсегдатаев решили забавы ради подшутить над незадачливым старым воякой. «Смирно!» — гаркнул один из них. Бедняга выронил ведро и застыл по стойке «смирно».

Двадцать пять лет минуло с тех пор, как он проходил обучение. Но это вошло в его плоть и кровь, срослось с его костями и проникло в костный мозг; сделалось частью бессознательного. Он абсолютно не отдавал себе отчета, что делает, делая это чисто механически.

Как же он рассердился! «А чего сердиться? — сказали ему шутники. — Мы вольны выкрикивать любые слова. Вас-то кто просит подчиняться? »

«Мне уже слишком поздно решать, подчиняться или не подчиняться, — ответил тот. — Мой разум устроен как машина. Двадцати пяти лет как не бывало. «Смирно!» значит «смирно». Из-за вас мои яйца разбились. Эх я, несчастный!»

И подобное творится во всем мире. И не только сегодня. С самого начала в армиях обучали не прибегать к разуму, а лишь следовать приказам. Вы должны понять одну вещь очень ясно: следование приказу и понимание — явления диа-метрально противоположные. Если

посредством понимания вы удовлетворили свой интеллект и на основании этого совершили определенное действие, это уже следование не внешнему приказу, а собственному интеллекту.

И подлинный мастер не станет вами командовать. Он любит вас и стремится, чтобы в вас было больше понимания, больше сознательности, способности к отысканию собственного пути, к озарениям, больше интуиции. Приказами этого не

добиться. Вспоминается еще один случай времен первой мировой войны. В Берлине на военную службу был призван один немецкий профессор логики. В то время была острая нехватка солдат, и всех, кто был физически пригоден к военной службе, призывали вступать в армию добровольно. В противном случае их принуждали к этому силой... И это потому, что все общества, все нации, все культуры убеждены в том, что личность находится у них на службе, а не наоборот. А на мой взгляд, дело обстоит в точности наоборот: это общество существует ради личности, культура — ради личности, нация — ради личности. Всем можно пожертвовать, но не личностью.

Личность — это сам цвет бытия. Выше нее ничего нет. Однако никакая культура, никакое общество и никакая цивилизация не согласится принять эту простую истину.

Профессора заставили. «Я не способен воевать, — протестовал он. — Я могу спорить. Я же логик. Если вам понадобится некто способный сразиться с врагом в споре, я к вашим услугам. Но воевать не по мне. Воевать — это варварство.»

Однако никто не стал его слушать, и в конце концов он был препровожден на плац. Начался парад, и командующий воскликнул: «Налево!» Все повернулись налево, и только профессор остался стоять, как стоял. Командующий слегка обеспокоился: «В чем дело? Он что, глухой?» И он еще громче воскликнул: «Теперь снова налево!» Все снова повернулись налево. Профессор же не изменил позы, будто ничего не слышал.

«Вперед! Назад!» — командующий отдавал приказы, и все им подчинялись. Профессор оставался на месте.

Это был известный профессор. Его знал Даже командующий. С ним нельзя было обращаться, как с обычным солдатом, поскольку он имел определенный вес в обществе. В конце концов, когда парад окончился и все стали в исходное положение, командующий подошел к профессору и спросил: «У вас что-то не в порядке с ушами? Вы что, не слышите?»

«Слышу», — ответил тот. «Но почему же тогда вы оставались на месте и не подчинялись командам?» — возмутился командующий.

«А какой смысл? — отвечал профессор. — Ведь все равно в результате всех этих движений вперед, назад, налево, направо, все вернулись в исходное положение и ничего не достигли.»

«Дело тут не в достижении, а в обучении», — пояснил командующий.

«Но я не нуждаюсь ни в каком обучении, — возразил профессор. — Какая тупость! Прийти на то же самое место в результате дурацких выкрутасов, в коих я не усматриваю ни малейшего смысла. Не могли бы вы мне объяснить, зачем я должен крутиться влево и вправо?»

«Странно, — удивился командующий, — ни один солдат подобных вопросов не задает.»

«Я не солдат, а профессор, — возразил тот. — Меня вынудили здесь присутствовать. Но совершать вещи, противные моему разуму, вам меня не заставить.»

Тогда командующий обратился в высшие инстанции: «Что мне с ним делать? Он может негативно повлиять на окружающих. Все насмежаются надо мной и говорят: «Молодец, профессор!» Я не в силах с ним справиться. Он задает вопросы... Все ему надо объяснять: «Пока я этого не пойму, пока мой интеллект это не одобрит, я не собираюсь делать этого!»

«Я знаю этого человека, — сказал главнокомандующий. — Это великий логик. Всю свою жизнь он только и делал, что упражнялся в постановке вопросов ко всем жизненным явлениям. Не волнуйтесь. Я возьму его на себя.»

Он вызвал профессора к себе в кабинет и сказал: «Я весьма сожалею, но тут уж ничего не доделаешь. Вы призваны в армию. Стране нужны солдаты. Но я дам вам работу, которая не создаст проблем ни для вас, ни для окружающих. Следуйте за мной в армейскую столовую».

Приведя туда профессора, он показал ему большое ведро зеленого горошка. «Сделайте, вот что,— обратился он к профессору. — Садитесь сюда и переберите этот горох: большие горошины кладите с одной стороны, маленькие — с другой. А через час я приду взглянуть, как у вас продвигается работа».

Через час он вернулся. Профессор остался на прежнем месте. Горох тоже.

«В чем дело? Вы и не думали приступить к работе!» — возмутился главнокомандующий.

«Заявляю вам первый и последний раз: до тех пор, пока вы мне не объясните... — сказал профессор. — Зачем я это должен перебирать? Вы оскорбляете мой интеллект. Я что, идиот, горох перебирать? Более того, возникают еще кое-какие проблемы. Пока я тут сидел, я подумал, что если есть в этом некая необходимость, остается решить кое-какие вопросы. Есть большие горошины, есть маленькие, но есть еще множество горошин других размеров. А как быть с ними? Вы не дали мне никакого критерия.»

Мистическая школа, духовный путь — это не путь солдата.

Здесь приказы запрещены.

Здесь апеллируют лишь к сознательности. Решение всегда остается за вами.

Только псевдомастера станут отдавать вам приказы, поскольку они не в силах удовлетворить ваше сознание. Подлинные мастера всегда в состоянии сделать это, а затем предоставить вам решать самостоятельно. Это ваша жизнь, и окончательное решение должно оставаться за вами и ни за кем иным. Вы должны возлагать ответственность на собственные плечи. Так что от настоящего мастера приказов вы не дождетесь.

Вы также спрашиваете о предписаниях. Человеческие головы веками забивали всякой чушью, делая духовность подобной географии. Вам даются карты и предписания. Следуйте верным предписаниям — и придете к цели.

Однако мир не такая дешевка. У сущего нет карт. И твердых предписаний тоже. Ведь каждый индивидуум столь уникален, что то, что является предписанием для одного, может лишь сбить с верного пути другого. И то, что для одного лекарство, может оказаться для другого ядом. Индивидуальность столь многообразна. И если мастер не улавливает этой разницы в индивидуумах: в уникальности их свойств, талантов, гениальности, — кто же ее уловит? Не может быть никаких общих предписаний. Мастер просто забрасывает вас всеми видами намеков. Запомните: я сказал «намеков», а не «предписаний». И вам требуется выбрать из них то, что вам соответствует. И поэкспериментировать, работает ли это для вас лично. Если да, углубляйтесь в это. Если нет, не ищите в этом своей вины. Вы не совершили греха, вам просто не удался эксперимент.

Под влиянием мастера ваша жизнь превратится в научный эксперимент. Это уже не вопрос рая или ада, награды или наказания. Это вопрос исследования.

И каждый должен выбирать в этом исследовании собственный путь.

Единственное золотое правило такого исследования в том и состоит, что нет никаких золотых правил.

Нет никакого сверхскоростного шоссе с верстовыми столбами, указывающими, сколь далеки вы от цели. Духовное исследование потребует от вас проложить и пройти собственный путь, а не следовать уже проложенным маршрутам. И я чувствую в этом особое благословение и экстаз. Вы не поезда на железной дороге. Если вы бежите по рельсам, вам не убежать в джунгли,

не взлететь на гору, не отправиться туда, куда тянет сердце. Поезд — пленник железной дороги. Но река не пленник. Она тоже пребывает в длительном странствии. Она может пробежать тысячи миль с гималайских высот, но все равно впадет в океан. Безо всякой карты, без каких бы то ни было предписаний и проводников, не встречая на пути никого, кого можно было бы спросить: «Слушай, а куда теперь течь?»... Ведь каждый шаг — перекресток.

Однако всякая река, как ни странно, впадает в океан, отыскав собственный путь к величайшей свободе.

Мастер может лишь намекнуть, как вам отыскать свою стезю. Он также может дать вам понять, нашли вы ее или нет. Может подсказать критерий того, приближаетесь вы к цели или удаляетесь от нее. Но предписаний не будет. Это противно самой природе вещей.

В момент, когда вы встретили мастера, вы обрели путь.

Кого же можно назвать мастером? Отнюдь не того, кто наполняет ваш ум ожиданиями. Ум христианина исполнен христианских надежд, ум индуса — индусских, буддиста — буддийских. Мастер — тот, кто утоляет жажду вашего сердца. К уму это не имеет ни малейшего отношения. Это сфера любви.

Вы просто оказываетесь влюблены. Вы просто обнаруживаете, что ваше сердце обрело дом, легкость, отыскало сокровище и пребывает в величайшем блаженстве. И по мере того, как вы приближаетесь к мастеру, в своей любви, в своей доверии, ваша душа все больше преисполняется мира.

Безмолвие ваше уже не представляет собою нечто мертвое, как гробовая тишина; теперь это нечто поющее и танцующее, нечто живое.

И чем дальше продвигаетесь вы по пути самореализации, тем радостнее становится ваша жизнь. Глубокая беспричинная радость проникает в вас; благословение, столь глубокое и щедрое, что вы можете делиться им с другими. По сути, вам приходится им делиться, поскольку оно просто переполняет вас, и вы уже не в силах его вместить. Впервые в жизни вы ощущаете себя маленьким перед лицом бесконечно великого благословения. И это говорит о том, что вы движетесь в направлении дома. Ваши экстатические состояния обретают все большую глубину и высоту. Но если вы отступите, то сделаетесь более несчастным, более грустным, более святым, более христианином, более индусом, более джайнистом, — какие там еще есть болезни... более умным... но глубоко внутри все более и более опустошенным.

Нищим, живущим под тоненькой сенью надеждой на то, что где-то в другой жизни, где-то в мире ином вы будете вознаграждены за все свои скорби, за свое лицо, уныло вытянутое на британский манер.

Святые не смеются. Они пали ниже человечества — ведь только человек умеет смеяться. Буйволы не смеются, и ослы тоже, — все они относятся к категории святых и мудрецов. Может быть, они, ослы и буйволы, были великими мудрецами в своих прошлых воплощениях и вот получили свою награду. Не обижайте их, относитесь к ним с уважением: ведь, кто знает?..

Однако, с моей точки зрения, по мере роста вашей сознательности в вас возрастает чувство юмора и способность смеяться. Вы начинаете относиться к жизни все более игриво. Так что ни приказов, ни предписаний — одни неуловимые намеки и указания. И непрестанные усилия отточить ваше сознание с тем, чтобы вы сами могли отыскать свой путь. А когда вы его найдете, вы раскроете в себе смелость разразиться песнями и танцами, способность ликовать.

В этом-то и состоит роль мастера: сделать вас более сознательным и мужественным, более любящим и понимающим. И никаких приказов, никакой дисциплины и никаких предписаний.

Приказы, дисциплина и предписания исходили от людей, желавших диктовать вам свои условия и претворять собственные идеи на материале чужих жизней. Подобных людей я называю величайшими преступниками.

Навязывать кому бы то ни было свои идеи, Предлагать идеалы и шаблоны — это насилие, чистое насилие. Оно разрушительно по своей Природе, и мастер не может к нему прибегнуть. Мастер всегда созидает.

Вопрос 2

Любимый Бхагван!

Мою голову посещают различные вопросы. Я записываю их и перечитываю. Потом, занявшись медитацией, я часто получаю ответ. И какое совпадение! Часто в тот же самый вечер на лекции или на видео Вам задают тот же самый вопрос. Пусть задает его кто-то другой, но я все равно чувствую, что это был мой вопрос и будто Вы ответили именно мне. Чем объяснить это, мой любимый мастер?

То, что любой вопрос исходит лично от вас, — это заблуждение. Все это от древних собственных привычек: мой дом, моя жена, ребенок мой, ну и вопрос тоже. Каждый человек потенциально способен задать любой вопрос, задаваемый кем-либо другим, поскольку все вопросы порождаются вашим безумным умом и все вы в равной степени безумны. Безумие — одно из тех немногих качеств, в проявлении которых все люди равны. Лишь изредка кто-то один становится безумнее остальных, и тогда за него берутся.

Функции психологов, психиатров и психоаналитиков вовсе не сводятся к искоренению безумия. Это просто им не под силу, они не имеют и отдаленного представления о том, что такое нормальная психика. Максимум, на что они способны, — это одернуть того, кто слегка опередил окружающих по степени безумия: «Будь нормален.» Все равно, что: «Будь безумен в рамках нормы, не пытайся выйти за эти рамки.»

Люди, чье безумие выходит за пределы нормы, считаются сумасшедшими.

Оставшиеся — нормально безумные: не вызывают вопросов и не создают проблем, хотя сами исполнены все тех же проблем, что и сумасшедшие.

Разница чисто количественная.

Попробуйте удобно расположиться в своей комнате, запереть изнутри все двери и записывать в блокнот то, что будет твориться у вас в голове. И никакой редакции: просто записывайте все, что будет посещать вашу голову. Вы будете поражены. Перечитайте это минут через десять — и придете в ужас: «Кто это писал, я или какой-то сумасшедший? Что за чушь, что за вздор непрерывно засоряет ум?»

Говорят, Бог сотворил мир. Но в этом мире столько людей, являющихся живым примером ошибок мироздания... Бог не мог такого создать. Совершенный Бог не мог сотворить мир, столь несовершенный.

И вот в чем я усматриваю его слабость: он не предусмотрел в ваших головах маленьких окошечек, сквозь которые окружающие могли бы видеть, что там творится. Вот тогда мир стал бы самым совершенством. Всего лишь маленькие окошки, через которые происходящее внутри могли бы видеть хотя бы ваши Друзья. Вот бы они удивились, что у человека, голова которого забита таким мусором, ничего такого не отражается на лице. И это двадцать четыре часа в сутки.

В моих медитационных лагерях я прибежал к особой медитативной технике. Заключалась она в том, что все в течение часа сидели в расслабленных позах и высказывали вслух все, что приходило им в голову, становясь как бы глашатаями, громкоговорителями для собственных мыслей. При этом они делали все, что хотелось, свободные от каких бы то ни было запретов. И так на протяжении одного часа. Это просто прелесть! Чего они только не вытворяли! А на вид такие милые... кто бы мог подумать.

А один... Никогда бы не поверил, что такое возможно: он просто сидел напротив меня и все время звонил по телефону. Казалось бы, человек в возрасте, лет шестидесяти, богатый... И вдруг

непрерывно звонит по телефону: «Алло! Алло!» Потом я выяснил, что этим он всю жизнь и занимался: сферой его деятельности был рынок ценных бумаг.

И вот он сидит напротив меня и иногда еще так с улыбкой поглядывает: понимает, что делает что-то не совсем то, — и несет какой-то вздор. Но что поделать — медитация!

Здесь сидит и Джаянтибхай. А один его старый и близкий друг (они дружны и по сей день) встает так запросто и принимается сталкивать с горы его автомобиль. На этом автомобиле я часто добирался до лагеря. И вот он собирается пустить его под откос. И это закадычный друг. Мне пришлось попросить нескольких людей прервать медитацию и схватить его, пока он не угробил машину. И ведь он знал, что это машина друга, что она понадобится мне, ведь знал... Кое-как удалось его оттащить от автомобиля. Но он так завелся, что в ярости взобрался на дерево, вокруг которого сидели медитирующие, и принялся швырять в них своей одеждой, пока не остался голым.

Вообще-то это очень серьезный, молчаливый человек. Никогда и не подумаешь, что он на такое способен. А до чего же трудно было снять его с дерева! Когда объявили, что медитация окончена и нужно спускаться, он и бровью не повел: слишком трудно было ему выйти из этого состояния. Подобные вещи обычно возникают в голове, но их не делают. В конце концов мне пришлось отказаться от подобных медитаций в силу их опасности. Здорово, конечно, избавляться от своего мусора, отлично очищает. Но опасно: люди могли поколотить друг друга.

Как-то раз во время медитации один сардаржи начал драться. Не то чтобы кто-либо из присутствующих был ему врагом, ничего подобного. Перед нанесением ударов он совершал такие гигантские прыжки, что вскоре расчистил всю площадку. Медитирующие жались к ее краю, и в центре остался он один.

«Ну хватит, Сардаржи, можете сесть. Все уже разбежались», — обратился я к нему. «Что это на меня нашло, — удивился он. — Я же не насильник».

Люди того города подтвердили, что это очень хороший человек, и диву давались, что подобное могло прийти ему в голову.

«Должно быть, это приходило ему в голову изо дня в день; просто не представилось удобного случая, — объяснил я. — А вот сегодня он наконец и представился. Он один справился со всеми медитирующими, а было их, по меньшей мере, пятьсот человек».

«Ты что, не осознавал, что делаешь?» — спросил я его потом.

«Я сам хотел бы спросить об этом после вашей медитации, — ответил он. — Ведь это крутится у меня в голове изо дня в день. Случись что-то, выйди ситуация у меня из-под контроля, и я обезумею. Безумие уже овладело мною, просто оно подавлено». Человечество делится всего на две категории: нормально сумасшедших и ненормально сумасшедших.

Один человек сошел с ума... А сумасшедшие весьма изобретательны, поскольку никто им не страшен. Плевать им на респектабельность и на то, что подумают окружающие. Они становятся очень бесстрашны, реализуя в действии те желания, которые всегда в себе подавляли.

У этого человека была навязчивая идея, что по нему ползают некие странные, скользкие существа. И весь день он их с себя сбрасывал. «Что ты делаешь, — возмущались домашние. — Мы не видим никаких существ».

«Да вы не можете их увидеть, — отвечал он. — Я раньше тоже был в вашем положении. Я об этом подозревал, но никогда этого не видел. Теперь, похоже, у меня открылся третий глаз. Я вижу это!» И он все сбрасывал и сбрасывал это с себя.

«Ты будешь работать или нет?» — спрашивали его.

«Как же я пойду, если они такие мерзкие. Они ползают по моему лицу, заползают в волосы. Не могу я никуда идти!»

В конце концов его отвели к психиатру. «Не волнуйтесь, мне уже приходилось сталкиваться

с подобными случаями, — успокоил врач. — Пройдите и присядьте».

Пациент сел, продолжая сбрасывать с себя нечто. «Ничего подобного на самом деле не существует. У вас просто навязчивая идея. Она завладела вами», — объяснил психиатр.

«Завладела? Сейчас я вам покажу».

Он пододвинулся на стуле поближе к врачу. «Что вы делаете?» — воскликнул тот.

А наш герой давай сбрасывать на него своих существ. «Прекратите! — запротестовал психиатр. — Не бросайте их на меня! Да что же вы за человек? Вы пришли лечиться или меня заражать? Вот мерзавец!»

«Теперь вы, надеюсь, убедились, что это вовсе не навязчивая идея», — сказал пациент.

«Я все понял. Это не навязчивая идея. Я их тоже вижу; похоже, открылся и мой третий глаз! Только не приходите больше, пожалуйста. Попробуйте обратиться к другому психиатру: он живет напротив меня. Он мой враг, и в подобных случаях я направляю пациентов к нему. Вы уж меня извините. Вот, возьмите ваши деньги. Но только не разбрасывайте здесь своих существ. Сохраните их для другого психиатра — вот его клиника. Носите их ему каждый день. Если вам угодно, я мог бы даже оплачивать ваши визиты. Только откройте ему третий глаз подобно тому, как вы открыли его мне. Вы же просто великий человек. Столько йогов бьется над открытием третьего глаза, и ничего у них не выходит. А вы открыли мне его за какую-нибудь минуту.» Выходя из кабинета, пациент оглянулся: психиатр сбрасывал с себя его существ.

Все мы в одной лодке. Просто кто-то в центре, а кто-то с краю, и ему легче оказаться за бортом. Этот вопрос не принадлежит вам лично. У вас нет собственных вопросов. Помните, что все ваши вопросы — порождение нормального безумия. Так что пусть вас не обескураживают и вопросы, задаваемые другими. Это все те же скользкие существа. И у вас нет на них монополии: у каждого они свои. Пребывая в безмолвии, вы обнаружите, что каждым из волновавших вас вопросов кто-нибудь еще задавался. Ведь мы не изолированы друг от друга — мы связаны, мы живем на одном континенте. И мы постоянно транслируем свои идеи, для чего вовсе не обязательно говорить нечто кому-то, сидящему рядом. Вы не пытаетесь ему ничего сказать, и он не пытается услышать; однако идеи излучаются.

Поймите, что большинство ваших идей — незваные гости из ниоткуда. Они носятся в воздухе и в один прекрасный миг входят в вашу голову. И тогда вы думаете: «Это моя идея.»

И если вы хорошенько прислушаетесь, то обнаружите, что каждый ответ предназначен для вас. Пусть это не вы задали вопрос, пусть вы не усматриваете его сходства с вопросами, роящимися в вашей голове. Но ответ, конечно, предназначен для вас, поскольку он предназначен для всех.

Ведь я скорее сродни, как вы выражаетесь, оптовику, нежели розничному торговцу. А если бы я принялся работать «в розницу», это оказалось бы слишком обширной работой для слишком короткой жизни. Я сумел бы помочь лишь немногим.

Поэтому я «оптовик». Мой ответ предназначен вам независимо от того, вами ли задан вопрос. Кто знает, может быть, вы зададите его завтра или послезавтра? Подождите немного, но храните ответ в памяти. И вопрос возникнет. Возможно, он уже возникает, поднимаясь из напластований вашего бессознательного. Просто время его еще не пришло. Так что будьте вооружены ответом, а вопрос не заставит себя ждать. Я отвечаю на ваши вопросы лишь для того, чтобы их убивать, разрушать, тем самым предоставляя вам возможность выхода за их пределы, равно как и за пределы ответов, в пространство безмолвия, где нет ни вопросов, ни ответов. Это пространство всего чудесного и загадочного. И это магическое пространство я называю истинной религией.

Войти в него означает быть религиозным человеком.

Вопрос 3

Любимый Бхагван!

Находясь в Вашем присутствии» я стараюсь созерцать и быть максимально внимательным. Мой ум при этом работает, пытаюсь осмыслить, в надлежащем ли состоянии я пребываю. должен ли я оставаться созерцателем или раствориться в Вас, В то же самое время я пытаюсь расслабиться и все это игнорировать. Так или иначе, несмотря на всю эту гимнастику, приходит момент — и лед трогается: я делаюсь необычайно мягок и восприимчив, необыкновенно прост и податлив, Любимый Мастер, нет ли какого-либо пути, позволяющего не терять попусту так много бесценного времени пребывания в Вашем присутствии?

Существуют весьма простые вещи, которые вы сами усложняете.

Вот сейчас, сидя здесь, вы можете попросту приятно расслабиться. Но нет, вы сделаете из этого проблему: расслабиться, слиться или созерцать. В любом случае поезд уже ушел. А делать здесь ничего не надо. Просто расслабьтесь и прислушайтесь. И благодаря такому прислушиванию вас коснутся несколько озарений. Используйте их в своей жизни. Когда вас кто-нибудь оскорбляет, созерцайте его, как если бы вы были просто сторонним наблюдателем, и он оскорблял бы кого-то другого. Да так оно и есть на самом деле. Или, если сидите на берегу океана, сливаясь и с красой восходящего солнца, не подключайте к этому созерцателя. Красотой следует наслаждаться. А гнев нужно отбрасывать.

Вот какие разные методы применимы к различным ситуациям. Когда вы лежите в постели и вам нечего делать, просто расслабьтесь. Вы весь день пребывали в активности, переделали тысячу и одно дело. Теперь пришло время обо всем этом забыть и предоставить всю свою энергию релаксации и освежающему восстановлению.

Релаксация, слияние, созерцание — различные техники для разных ситуаций. И если вы попытаетесь применить их все одновременно к одной ситуации, она просто ускользнет от вас, и вы уже не будете в состоянии что-либо сделать. По счастью, после совершения такой глупости вы все-таки расслабитесь.

Допустим, вы устали: слияние, созерцание, релаксация — хорошенького понемножку.. Вы устали ~ и релаксация приходит сама собой. Вы чувствуете, как она мягко опускается на вас, и это приятно.

В Индии говорят, что человека, потерявшего с утра и вернувшегося домой к вечеру, нельзя назвать «потерянным». Он же все-таки вернулся, хоть и слонялся без толку целый день, занимаясь всякой ерундой.

Но когда вы ощущаете, как наступает релаксация, как вы размягчаетесь, а мир становится прекрасен. .. Почему бы не войти в это состояние сразу, без прелюдий? Или прелюдия необходима?

Если вы читали пьесы Бернарда Шоу, то могли заметить, что они страдают слишком длинными, длиннее, нежели сами пьесы, предисловиями. Небольшая пьеса и предисловие к ней — в три раза длиннее. Друзья и доброжелатели говорили ему: «Это только вызывает излишнее утомление. Если читаешь одну пьесу, не заглянув в предисловие, остается чувство, что что-то важное упущено, раз человек написал такое длинное предисловие. А если читаешь предисловие, то оно настолько утомительно, что, добравшись до пьесы, вконец измученный, испытываешь лишь одно желание: отшвырнуть книгу.»

Длинные предисловия не нужны. Достаточно преамбулы. Так, что ничего страшного, если

минуту или две вы будете сливаться, расслабляться, созерцать. Только заканчивайте с этим поскорее с чувством удовлетворения, что вступление состоялось. И переходите к пьесе: расслабьтесь и получайте удовольствие.

В мире все просто. Но ум ухитряется все усложнить. Ведь если все просто, то кому он нужен? К уму обращаются в сложных ситуациях, тут уж без него не обойтись. А в простых на что он? А жизнь проста настолько, что если человеку достанет мужества ее прожить, ум ему и вовсе не понадобится. Именно отказ от ума и спонтанное проживание жизни я и называю саньясой.

Из мига в миг, там будет видно. К чему бесконечные репетиции?

Когда настанет миг, сознание встретит его и отзовется. Но люди столько времени тратят на подготовки, что проводят в них практически всю свою жизнь.

Я слышал, что один немецкий профессор хотел собрать у себя самую большую в мире библиотеку философской, религиозной и духовной литературы. Будучи к тому же очень богатым человеком, он странствовал по свету, собирая все виды подобных текстов. В мире три сотни религий и сотни философий, по каждой из которых написаны сотни книг на различных языках. И у профессора были переводчики, которые переводили все их на немецкий язык. Так он готовился к прочтению этих книг.

Ему уже стукнуло девяносто, а он все собирал книги.

«Пора бы уже приступить к чтению, — сказали ему. — После стольких лет подготовки в вашей библиотеке имеются тысячи и тысячи книг. Вы же не успеете их все прочесть. Жизнь ваша уже клонится к закату, осталось каких-нибудь год или два.»

«Но моя коллекция еще не является полной», — возразил тот.

И принялся коллекционировать с усиленной скоростью, привлек к этому большее количество людей, пригласил больше переводчиков. В конце концов он слег, и врач сказал, что больше семи дней он не протянет. Тогда профессор призвал всех ученых, которые переводили для него книги, и сказал им:

«Бросайте переводить. Составляйте сжатые рефераты по содержанию каждой книги, поскольку жить мне осталось всего семь дней, а я хочу узнать, что во всех них написано. Просто сжатые рефераты.»

«Но в вашей библиотеке собрано так много книг, — возразили ученые, — что нам это просто не удастся. Мы, конечно, постараемся, но в недельный срок нам никак не уложиться.»

«Ну как у вас продвигается работа?» — спросил профессор, когда настал последний день. «Мы стараемся», — ответили ученые. «Это уже ни к чему. Сделайте вот что: составьте краткое резюме по всем книгам. На большее времени уже не остается. Я чувствую, что покидаю этот мир. Так что прошу вас поторопиться.» «Но как же нам поторопиться, если для выполнения этой работы нам придется заглядывать во все книги, дабы отыскать в них самое основное, их суть? Некоторое время на это все же понадобится», — возразили ему.

День был уже на исходе, и к вечеру они пришли к профессору со сжатым резюме на нескольких страницах. Тот уже был при последнем издыхании. «Нет-нет, — сказал он им. — Слишком много страниц. Сделайте полстраницы, совсем кратенько, чтобы умещалось на почтовой открытке. У меня уже не осталось времени прочесть все эти страницы.»

Ученые поспешили обратно и снова сжимали сжатое. И после всех этих сжатий в нем уже не оставалось никакого смысла... А когда они вернулись, то застали профессора уже умершим.

«Как обидно! — воскликнула его супруга. — Прокричите это ему на ухо. Может быть, он еще услышит. Душа его только отлетела.»

«Теперь это уже бесполезно, — констатировал врач. — Можете, конечно, попробовать, вреда от этого никакого.» И тогда один из ученых прокричал это резюме на ухо профессору. Но тот уже умер, и доктора утверждали, что ничего он не услышал.

Всю свою жизнь он потратил на подготовку.

Но это отнюдь не история о каком-то одном непохожем на других чуде. Нет, она повествует обо всех нормальных людях: подготовки, подготовки и подготовки. И уже как-то не важно, к чему. Но ведь мы не знаем и того, что станет с нами через миг. К чему же готовиться? Тут либо жить, либо готовиться.

Если хотите жить, живите прямо сейчас. А нет — готовьтесь к завтрашнему дню. Только запомните, что завтра никогда не наступает. Вместо него приходит смерть. Умный человек живет и не заботится о подготовках и тренировках.

Вы здесь со мной. Проживите этот момент полностью и как можно интенсивнее. Возможно, благодаря этим полноте и интенсивности вы ощутите такой вкус, который не оставит вас и в следующий миг. А постигнув полноту и интенсивность проживания мига, вы постигнете и секрет жизни. Вам всегда дан лишь один миг, и никогда — два одновременно. Раз вы постигли секрет проживания одного мига, значит, вы постигли тайну всей жизни, поскольку у вас всегда будет только один миг, а вы знаете, как его прожить, как полностью проникнуть в него.

Ваш вопрос напомнил мне об одной моей старой приятельнице — многоножке. У многоножки сотня ног: оттого и «многоножка». Этимология слова восходит к древнесанскритскому «shatpadee». Как-то ранним утром, с восходом солнца, многоножка отправилась на свою утреннюю прогулку. А один кролик-философ смотрел на нее и диву давался: «О, Боже! С ней же скоро приключится несчастье. Как она может запомнить, какая нога первая, а какая вторая — их же сотня! Не миновать ей беды.»

Приблизившись, кролик сказал многоножке: «Я кролик-философ, пока только студент. Хочу узнать истину».

«Ну, очень хорошо, — ответила многоножка. — А в чем, собственно, дело?»

«Дело вот в чем: я хотел бы узнать, как вы управляете сотней ног», — ответил тот.

«А я никогда и не задумывалась об этом, — ответила многоножка. — Да и никакая многоножка не задумывалась. В нашей истории подобного факта не наблюдалось. Но мы прекрасно справляемся. Тем не менее, вопрос ваш не лишен смысла. Садитесь, а я попробую», — сказала она. И не смогла шевельнуть ни одной ногой. Озадаченная, она упала.

Она очень рассердилась на кролика: «Никогда больше не задавай своих философских вопросов многоножкам. Вот что мне теперь делать? Твой вопрос теперь нейдет у меня из головы, и я больше не могу идти, не задумываясь о том, как это происходит и какой ногой шагнуть. А у меня их сто — пришел конец моей жизни. Только будь добр, не задавай больше никому подобных вопросов. Я постараюсь о нем забыть, но не знаю... Удастся — выживу, не удастся — мне конец.»

И теперь в моем присутствии вы пытаетесь расслабляться, сливаться, созерцать... И попадете в беду. Забудьте весь этот вздор, отбросьте философские вопросы. Просто будьте здесь. Просто будьте, и из этого бытия произрастет понимание, подобно озарению подсказывающее, когда сливаться, когда созерцать, а когда расслабляться. Здесь и сейчас попробуйте ощутить вкус бытия — исполненного жизни, безмолвия, радости. А все остальное будет истекать из него.

ГАРМОНИЯ...РОДИНА ЛЮБВИ

13 октября, 1986 г. Бомбей

Вопрос 1

Любимый Бхагван!

Подобно тому, как спелый плод падает на землю в один прекрасный день Вы оставите нас, и ни один мастер уже не сможет Вас заменить. Скажите, Бхагван, будут ли техники медитаций, полученные от Вас, столь же действенно, как и сейчас, способствовать нашему внутреннему развитию после того, как Вы оставите физическое тело?

Мой подход к вашему внутреннему развитию основывается на том, чтобы сделать его независимым от меня. Любая зависимость — это рабство. Но самая страшная его разновидность — зависимость духовная. Я прилагал все усилия к тому, чтобы Вы осознали свою индивидуальность, свою свободу и полную способность к росту безо всякой посторонней помощи. Рост этот заложен в самом вашем бытии и распускается в нем, не являясь чем-то привнесённым извне или навязанным.

Все мои техники медитаций не подразумевают никакой зависимости от меня. Присутствую я при этом или отсутствую — не имеет значения. Все зависит только от вас. Не мое присутствие, но ваше необходимо для работы с ними.

Здесь речь идет не о моем бытии, а о вашем, о необходимости вашего присутствия, бодрствования и внимания. Я понимаю Ваш вопрос и его резонность. Он не лишен смысла.

Все прошлое человечества так или иначе является историей эксплуатации. И даже так называемые духовные люди не в силах устоять перед ее соблазнами. 99 мастеров из ста пытались навязать ученикам идею того, что без мастера их рост и прогресс невозможны, предлагая возложить всю ответственность на себя.

Но в тот самый момент, как вы возлагаете на другого всю ответственность, вы, сами того не ведая, отдаете ему и всю свою свободу.

И естественно, всем этим мастерам приходило время умирать. Но они оставляли за собою длинные шлейфы из рабов: христиан, иудеев, индусов, магометан. Что же это за люди? Почему кто-то должен быть христианином? Если действительно можешь кем-то стать, стань Христом, но не христианином. Неужели вы абсолютно не чувствуете унижения, называя себя христианином, последователем того, кто умер две тысячи лет назад? И все человечество следует за умершим.

Разве не безумие, что умершие ведут живых, доминируют над ними и что живые пребывают в зависимости от них и их обещаний типа: «Я приду освободить вас»? Ни один из них не пришел и не спас. И фактически никто не в силах спасти кого бы то ни было другого. Это идет вразрез с фундаментальной истиной свободы и индивидуальности.

Что касается меня, я просто прилагаю все усилия, дабы освободить вас от кого бы то ни было, включая меня самого, чтобы вы оставались одни на пути своего поиска. Это существование относится с уважением к личности, отважившейся на одиночество в поисках истины. Рабам — уважения нет. Они его попросту не заслуживают, поскольку не уважают самих себя. Как же может относиться к ним с уважением бытие?

Так что помните, когда я уйду, вы ничего не потеряете. Возможно, даже приобретете кое-что, о чем и не подозреваете.

Сейчас я доступен вам лишь в воплощении, в тюрьме заключенности в определенную форму. Когда же я уйду, куда я могу деться? Я буду в ветре, в океане. И если вы любили меня и доверяли мне, вы почувствуете меня тысячею и одним способом. В моменты пребывания в безмолвии вы вдруг ощутите мое присутствие. Раз я более не воплощен в теле, значит, сознание

мое универсально. Сейчас вам приходится приходить ко мне.

А потом уже не понадобится меня искать. Где бы вы ни были... вы испытываете жажду, испытываете любовь... и находите меня в самом своем сердце, в самом его биении.

Вопрос 2

Любимый Бхагван!

Как-то на рыночной площади, будучи предоставленным самому себе, я вдруг почувствовал, как действия мои становятся механическими и бессознательными. А сейчас, находясь в Вашем присутствии, я чувствую, что мой ум тормозится и возрастает самосознание. Такое состояние самосознания приносит легкость и желание пребывать в нем все больше и больше. А взглянув на Вас, я испытываю еще большую благодать.

Бхагван, не могли бы Вы рассказать о самосознании ученика и благодати, нисходящей от мастера?

Прекрасно, что Вы начинаете осознавать весьма существенный феномен того, что, оказавшись на рынке, становитесь подобны механизму, роботу. Сюда вы приходите в более расслабленном состоянии. Скорость работы ума потихоньку-потихоньку уменьшается. И по мере прояснения самосознания исчезает механистичность.

Вы не могли не заметить, что сознательность и механистичность невозможны одновременно. Сосуществование этих двух факторов невозможно.

На рыночной площади от вас ожидается проявление эффективности, а не сознательности. Эффективность — характеристика механизмов, и они более эффективны, нежели люди. Поскольку от вас требуется эффективность, вы становитесь более механистичны, по мере чего в вас исчезает сознательность.

А ваша сознательность — это ваше истинное бытие.

Посредством эффективности и механистичности вы можете заработать больше денег, добиться большей власти, престижа или респектабельности, но при этом потеряете себя. И как задешево! То, что вы получите взамен, не имеет ценности. Знаете ли вы, сколько людей жило до вас на земле? Осознаете ли тот факт, что миллионы из них преуспевали? Миллионы были в свое время знамениты, а сейчас люди даже не помнят их имен. Они исчезли, как сны, не оставив никакого следа. И нам тоже, тем или иным образом, суждено исчезнуть. Те же немногие, что ушли из жизни, но живут и поныне в любви и вере людей, не были преуспевающими людьми. То были не императоры, не завоеватели и не богачи. Те немногие, что, несмотря на смерть, и по сей день остаются в человеческих сердцах, относятся к абсолютно иной категории. Это сознательные люди, люди с душой. Их влияние столь, глубоко, что останется до последнего человека.

Гаутама Будда, Лао Цзы, Кабир, Христос, аль-Хиллай Мансур — все они неподвластны забвению.

Жизни их будут продолжаться в самых сокровенных глубинах вашего существа по той простой причине, что они никогда не приносили свою сознательность в жертву рыночному укладу.

Так что прежде всего хорошо, что вы осознали. Отточите в себе эту осознанность, и в следующий раз, когда придете на рынок, вам уже не придется превращаться в робота. Возможно, при этом в вас не будет той эффективности, с которой действуют роботы. Ну и что? Возможно, вы и не достигнете их успеха. Ну и что из этого? Пусть проживают они свой день, чтобы испариться затем, подобно мыльным пузырям. Им не в чем завидовать — пожалейте их и останьтесь привержены своей сознательности. Пожертвуйте всем ради нее, но никогда не приносите ее в жертву чему бы то ни было. Таково обязательство саньясина: он готов лишиться своей жизни, но не своей сознательности. В ней он открывает для себя ценность, высшую чем

жизнь. А ничего более ценного, нежели сознательность, не существует.

Сознательность — это заложенное в вас семя божественного.

И когда оно достигло в вас полного роста — вы пришли к выполнению своего предназначения. По мере углубления вашей сознательности, ваши действия не станут эффективнее, но приобретут новое качество — свойство прекрасного, что куда более ценно. Ни один механизм не обладает этим свойством. Ваши действия, ваши слова приобретут особую красоту.

Каждое мгновение жизни сознательного человека исполнено необычайной красоты и прелести. Это отражается и в его действиях, даже самых незначительных, будь то жест или взгляд. Это в глубине его глаз, в значимости его слов, в музыке его молчания.

Само его присутствие — праздник.

И в сравнении с подобной личностью императоры — просто нищие: им принадлежит весь мир, а внутри них — пустота.

Храм может быть сделан из чистейшего золота, но господин внутри него отсутствует. С каждым днем ученик становится все более и более прекрасен, все более и более сознателен, и это естественным образом рождает в нем глубочайшую признательность мастеру. Это не значит, что вы должны ее испытывать. Если вызывать ее в себе специально, получится подделка. Это чувство является подлинным, когда приходит само собою. А по мере роста вашей благодарности вы открываетесь и становитесь более доступны. И мастер может излить в вас все свое существо, все свое благословение и благодать.

Вопрос 3

Любимый Бхагван,

Я чувствую, как с Вами происходит там, на кафедре, нечто невероятное, нечто невообразимо прекрасное, И с течением лет я ощущаю, как и со мной происходит здесь нечто потрясающее. Я знаю, что в моем случае это не озарение. Но это нечто подобное гармонии с Вами,

Бхагван, не могли бы Вы подсказать, как мне пробиться сквозь дымовую завесу собственного ума, чтобы выпустить это прекрасное, эту красоту, этот благословенный дар наружу и дать ему возможность расти?

Феномен гармонии предоставляет душе один из самых таинственных опытов.

Он предполагает, что два тела все еще остаются двумя телами, но душ в них уже не две. Одна душа, пребывающая в двух телах, — вот истинный смысл понятия гармонии.

Это самый изысканный опыт.

Обычно мы живем в состоянии конфликта, дисгармонии. Муж конфликтует с женой, и они называют это совместной жизнью. Но пока между ними не возникло единства, их совместность — не что иное, как скрытый конфликт, способный взорваться в любой момент, по любому даже самому глупому и бессмысленному поводу. Оба пребывают на кратере вулкана.

Родители сталкиваются с проблемой «отцов и детей», с разрывом между поколениями. Трудно найти общий фундамент для взаимопонимания, и гармония становится недостижимой целью. Они даже не понимают языка друг друга. И не то чтобы они говорили на разных наречиях. Разнятся их видение мира, их отношение к нему и подход к жизни. И не видно пути к обоюдному согласию. Общение родителей и детей сходит с рельсов пути переговоров, поскольку за каждым разговором кроется сражение.

То же происходит с мужьями и женами. Если это молодожены, страсти кипят: они борются — жена швыряет предметы, бьет тарелки, чашки и стаканы, кидает подушки. Подобным же образом ведет себя и супруг: он бьет ту самую женщину, без которой он жить не мог. И не только бьет. Зачастую он мечтает и о ее убийстве: иначе она его просто убьет. Это уже только вопрос того, в чьих руках окажется инициатива. Это холодная война. Мало-помалу отношения теплеют. Никаких тебе больше подушечных боев, никакого битья чашек, стаканов и блюдец. Но это еще не означает, что супруги пришли к гармонии. Это означает лишь то, что они осознали идиотизм подобного поведения. Уж лучше вести себя тихо. Муж попросту читает все ту же газету. Труднее становится по воскресеньям, но они избегают друг друга, стараясь не оставаться наедине.

Один мой приятель — настоящий богач — сказал мне как-то раз, когда ему стукнуло пятьдесят: «Денег у меня довольно. У меня всего две дочери, и обе вышли замуж. И это очень тяжело... потому что в доме остались одни мы с женой.» «Так вы должны быть счастливы, — удивился я. — Ведь это был брак по любви.» «Сейчас я уже вообще не пользуюсь словом «любовь», — ответил он. — Именно это слово разрушило мою жизнь. И только из-за жены я продолжаю возиться с этим бизнесом и промышленностью. Только ради того, чтобы ее избегать, — иначе в этом не было бы никакой необходимости.»

«Ну тогда отыщите для себя какую-нибудь очаровательную станцию, затерянную в горах, и живите там в мире и покое», — посоветовал я.

«Да вы что... На очаровательной станции наедине с этой женщиной? Это кончится убийством!»

«Что вы такое говорите? — удивился я. — Кто же кого может убить?»

«А это уж зависит от того, в чьих руках раньше окажется инициатива, — пояснил он. — Наедине с этой женщиной? Только не это! Вот если бы Вы изъявили желание остаться с нами, я чувствовал бы себя в безопасности и готов был отправиться на какую угодно станцию. Мы даже в кино не выбираемся без знакомого. Он должен сидеть между нами, не то... А ссора может начаться с чего угодно.»

«Но я ни разу не видел вас ссорящимися», — возразил я.

«Что правда, то правда, — ответил он. — На протяжении многих лет все это происходило подспудно. Но мы воюем. Я мысленно избиваю ее, она — меня. Но мы не показываем этого... что подумают люди, слуги?»

Они спали в разных комнатах. Я поинтересовался у жены, почему.

«О, да это не такая уж большая проблема... Виной всему его храп», — ответила она.

«Я не раз спал с ним в одной комнате, но как-то этого не заметил», — возразил я.

«Почему твоя жена жалуется на твой храп», — обратился я к приятелю.

«А я нарочно храплю, чтобы она спала в другой комнате, ~ объяснил он. — Во сне-то я никогда не храплю! Вот Вы этого и не слышали.»

Чтобы захрапеть, мне требуется усилие — это целое искусство, которым пришлось овладеть только для того, чтобы у нее появился повод. Она-то хотела спать в отдельной комнате, но нужен был повод. А теперь здесь вполне спокой-но. На ночь я запираю дверь изнутри. Ведь ей может вздуматься явиться среди ночи — мало ли что ей придет в голову? И начнется скандал.»

Люди не живут в гармонии. Гармония — пустое слово. И для большинства людей, к сожалению, оно так и остается пустым. Им ведомы лишь борьба и гнев.

Гармония предполагает отречение от своего эго. Вы говорите себе: «Я хочу слиться с тобой в столь глубоком единстве, что сама идея «Я» мне более не нужна».

Некоторые люди обретали в своей жизни гармонию. А уж взаимоотношения мастера и ученика немислимы без гармонии. Мастер лишен эго. Ученику же предстоит отречься от своего во имя слияния двух сознаний, и великая музыка вибрации в них станет единой для обоих. При других видах взаимоотношений такое тоже случалось, однако крайне редко. Вспоминается одна странная книга, написанная на санскрите. Называется она Бхамити. Это необычное название, поскольку в книге содержатся комментарии к одному из наиболее философских трудов — Брахмасутрам Бадараяна.

Бадараян, вероятно, является величайшим философом, какого когда-либо носила земля. И он написал эти маленькие афоризмы, маленькие афоризмы об истине в последней инстанции. Во всем мире не сыскать другой книги, к которой было бы написано столько, несколько тысяч, комментариев. Ведь афоризмы столь кратки, столь сжаты, что пока кто-то не раскроет их значения, не растолкует и не даст ему своей интерпретации, до их смысла нам не добраться.

Брахмасутра — книга необычайная. Еще ни у одной книги так не складывалась судьба, как у Брахмасутры Бадараяна. Комментарии были написаны, но оказались слишком сложны для понимания. Поэтому и к самим комментариям были написаны комментарии. Но и последние были не так уж просты. Так что появились комментарии и к ним...

Это единственная в своем роде книга, комментарии к которой писались целыми сериями; причем сам оригинал утрачен. И на протяжении тысячелетий в Индии находились люди, которые писали комментарии к комментариям с тем, чтобы сделать ее смысл доступным широким массам. Одним из комментариев к Брахмасутрам, одним из лучших комментариев к ним является Бхамити. И это тоже необычно, поскольку название Бхамити сделалось для них пророческим. Именно так звали одну женщину, но давать такое имя комментариям...

Комментарии были написаны величайшим философом Вачаспати, жену которого и звали

Бхамити. Он трудился над ними целых двенадцать лет и решил в день завершения этого труда отречься от мира и отправиться в Гималаи.

И вот, в одну прекрасную ночь, работа над ними была наконец завершена. Он взял свечу, при свете которой писал, и направился к себе в комнату. Но по дороге неожиданно встретил женщину.

«Кто ты и что ты здесь делаешь?» — спросил он ее.

«Вы столь увлеклись своей работой, о господин мой, — отвечала она, — что и вовсе позабыли, что некогда женились на мне. Я ваша жена.»

«Да-да, помню, — воскликнул Вачаспати. —

Я даже помню, что каждый день... А покажи мне свою руку, ее-то я узнаю. Ведь это ты ставила подле меня свечу каждый день на закате.

Да, мне знакома эта рука. Но теперь слишком поздно. Я уже принял решение оставить дом в день завершения работы над комментариями. Что же ты мне не напомнила?"

«Любовь помешала мне прервать тебя. Я все ждала. Но не беспокойся: если ты решил уйти, уходи без тени волнения. Я не стану помехой твоему решению. Мне довольно было увидеть, что ты беспокоишься обо мне. Раз ты все-таки хоть немного любишь меня, мне этого достаточно на всю оставшуюся жизнь», — был ответ.

«Ты великая женщина, — сказал ей Вачаспати. — Редчайшая женщина. Таких комментаторов, как я, полно, но попробуй сыскать другую такую, как ты. Какая любовь, какая преданность, какой дар терпения и ожидания! И какое величие души: тебе было достаточно одной лишь заботы о том, что темнеет, — как если бы не было никакой надежды. Я назову свои комментарии Бхамити, и пусть всякий, кто будет читать эти комментарии, удивится их названию.» Ведь и вправду оно неадекватно: комментарии написаны к Брахмасутрам... И вдруг Бхамити?..

«Но без тебя, твоей любви, терпения, твоего молчаливого ожидания... Ты даже ни разу не попалась мне на глаза, а ведь красота твоя бесспорна. Попадись ты мне на глаза — и это бы помешало мне. Я позабыл бы всякие комментарии и наверняка отложил бы их, чтобы побыть с тобой.»

«Я получила больше, нежели заслуживаю, — отвечала Бхамити. — Тебе более не следует оставаться в доме. И пусть я буду гордиться мужем, который исполнил свое намерение... хоть я и замечаю, что теперь ты уже колеблешься. Не нужно колебаний. Я не позволю тебе остаться в доме. Ты должен отправиться в Гималаи: ведь если ты не отправишься, я не смогу относиться к тебе с тем же уважением.»

Это невероятная, неслыханная история.

Вачаспати отправился в Гималаи. Но не смог позабыть Бхамити, ее достоинство, такт и красоту.. Это было за пределами человеческой природы. И лишь такие люди, как она, доказывали, что существует нечто за этими пределами, нечто божественное. Вачаспати остается великим ученым, Бхамити — личность куда более божественная.

Так что иногда случается гармония между людьми и при других видах взаимоотношений. Только они слишком редки — в виде исключения или случайности.

Но что касается мастера и ученика, тут взаимоотношений без гармонии быть не может. Музыкальное единство, глубочайшая любовь, затопляющая это. И нет уже двух взаимодействующих людей — есть лишь гармоничное целое, энергетическое поле.

И с момента, как вы испытали это с мастером, вы можете достигать этого и в отношениях с другими людьми, поскольку в основе лежит один и тот же принцип. А когда вы достигли этого во взаимоотношениях со всеми людьми, то вы окружены множеством гармоний, и жизнь ваша становится поистине божественным даром, звучанием оркестра.

Таким образом, взаимоотношения мастера и ученика — это лишь овладение определенным навыком. Вы можете воспользоваться им при общении с женой, мужем, детьми, родителями, друзьями. А можете распространить его на весь мир. Вы можете испытывать это в отношении деревьев, звезд — это лишь вопрос владения навыком. И весь секрет тут в том, чтобы не быть, исчезнуть как эго.

И тогда все, к чему вы прикоснетесь, откликнется музыкой; все, до чего дотронетесь, обратится в золото.

Вопрос 4

Любимый Бхагван,

С тех пор, как в ноябре прошлого года я покинул Раджнишпурам, я вдруг обнаружил» что абсолютно не могу предвидеть, что стану делать каждый следующий момент. Поначалу меня это слегка пугало. Но вскоре я начал все более и более убеждаться, что достаточно лишь простого ожидания, чтобы с тобой начали происходить удивительные вещи, к тому же совершенно непредвиденные. Является ли это результатом пребывания с Вами?

Такого рода явления возникают не только вокруг меня. Это всеобщий закон бытия. Вам следует только ждать, и все свершится в свой черед. Ждите и наблюдайте. Только смотрите не усните — ведь в состоянии ожидания это так естественно: заняться -то нечем. Не то все свершится без вашего ведома. Так что ждите и наблюдайте.

Естественное течение жизни нарушается так называемыми благодетелями, проповедующими на каждом шагу всему свету: «Делайте то, делайте это, помогайте бедным.» Действие превознесли столь высоко, что предали искусство ожидания полному забвению.

Конечно же существуют вещи, которые могут произойти лишь в результате действия.

Например, вы не сможете просто ждать и богатеть.

А есть люди, которые даже этому обучают. Один американский мыслитель. Наполеон Хил, написал премилые книжки по этому поводу. При этом пишет он просто мастерски. Одна из его книжек мне всегда особенно нравилась, хоть это и полная чушь. Зато как здорово пишет! Называется она «Думай и богатей». И ведь есть люди, которые искренне верят, что все, что нужно делать, — это просто ждать. Сеять зерно мыслей, что в твоём гараже должен появиться кадиллак, и просто ждать. И в один прекрасный день кадиллак появится: его просто вам доставят. Есть такие, кто верит в подобную силу мысли.

В Америке до сих пор сохранилась одна Христианская секта... Полвека назад она играла большую роль, поскольку пользовалась приверженностью большинства. Секта именуется «Христианская наука». И наука заключается в том, что ничего не нужно делать, а только думать. Бог все сделает сам. Вы же только думайте, молитесь и ждите; дайте Богу время. Разве какой-то кадиллак больше вселенной? Если Богу под силу сотворить целую вселенную, то что и говорить о кадиллаке?

Я слышал одну историю о том, как один юноша по пути в колледж встретил старушку. И она спросила его: «Что случилось с твоим отцом? Он не посещает наши воскресные собрания.» А это были собрания членов «Христианской науки».

«Он болен», — ответил парень.

Старушка рассмеялась. «Чепуха, — сказала она, — это он просто думает, что болен. Важно, что мы думаем. Передай своему старику: «Всю жизнь ты был членом «Христианской науки» и так и не понимаешь простых вещей. Перестань думать, что ты болен, и не будешь болеть».

«Что ж, так и передам», — ответил сын.

Через неделю старушка снова встретила его и спросила: «Что же он и на этот раз не пришел на еженедельную встречу членов «Христианской науки?»

«Теперь он думает, что он умер, мадам, — ответил юноша. — И не только он так думает, но и вся округа. Поэтому-то они и похоронили его. Я пытался их переубедить: «Постойте. Может быть, он просто думает...». Да только они решили, что я рехнулся».

Есть вещи, которые происходят безо всякого действия с вашей стороны; надо просто ждать

— и это случится. А есть вещи, которые необходимо сделать, и только тогда это произойдет. И мало-помалу то, что происходит посредством действия, приобретает все большее значение: это ваша материальная собственность, ваши деньги, ваша власть, ваш престиж, ваши дворцы, ваши империи. Их просто так не дождешься. Ожидание не делает Александром Великим. И, поскольку для человечества важнее стало то, что совершается посредством действия, оно абсолютно забыло об огромной категории вещей, которые происходят сами собою.

Любовь возникает сама собой. Ее не сделаешь, как бы люди во всем мире ни старались. И как же странно, что мир все еще не осознал полного фиаско подобных попыток. На протяжении веков родители женили и выдавали замуж своих детей. При этом спрашивают всех: астрологов, хиромантов; интересуются семьей, достатком, характером — но только не тем, любят ли друг друга юноша и девушка. Сама любовь не представляет никакого интереса. Это само собой разумеется: если уж они поженятся, значив будут любить друг друга.

Тысячи лет человечество поступало подобным образом. И, конечно же, когда маленький мальчик женится на маленькой девочке, они ведут себя, как братишка и сестренка: борются, играют друг с другом, спорят. Но им никогда не узнать, что такое любовь. Они только думают, что это и есть любовь. Они производят на свет детей, покупают украшения своим женам, жены стараются усложнить своим мужьям жизнь до основания — в общем, они помогают друг другу.

И только в наш век люди стали говорить друг другу: «Мы поженемся, только если любим друг друга», — да и то только в нескольких развитых странах.

Но любовь — это то, с чем мы ничего не можем поделать. Либо это случается, либо нет. Это неподконтрольно.

«Браки по любви» возникают, но, как правило, они нестойки, поскольку любовь возникает, приходит — а потом, в один прекрасный день, неожиданно уходит. Не в наших руках ее привлечь, не в наших руках и удержать.

Прежние браки распадались из-за настаивания на том, что ты должен любить свою жену, своего мужа. Именно «должен». А ты и представить себе не можешь, как это. В лучшем случае, можешь сыграть, притвориться. Но любовь не притворство, это не игра. Тут ничего не поделаешь. Мы не властны над любовью.

Прежние браки распадались. Нынешние распадаются тоже, являя собой лишь реакцию на прежние браки. «Браки по любви», как выстрел из пистолета, — не результат понимания, но лишь реакция.

Вы понятия не имеете, что такое любовь. Просто видите хорошенькое личико, красивое тело и. думаете: «Боже, как я влюблен!» Но такая любовь не долговечна, поскольку через пару суток непрерывного созерцания этого личика на вас нападет тоска. Опять это тело... Да вы уже исследовали всю его топографию; исследовать-то уже нечего. Исследуя все ту же географию снова и снова, вы начинаете чувствовать себя идиотом. Да в чем же наконец дело?

Подобные любовные связи и «браки по любви» распадаются. Это заложено в них с самого начала. А все дело в том, что вы не умеете дожидаться прихода любви.

Вам необходимо освоить медитативное состояние ожидания. Тогда любовь является уже не как страсть, не как желание. Тогда это не сексуальность, а чувство единого ритма биения двух сердец. И тогда хорошенькое личико или красивое тело уже не имеют значения. Это нечто неизмеримо глубокое, это сфера гармонии.

Лишь тогда, когда любовь происходит из гармонии, возможна счастливая жизнь, жизнь полная и все более глубокая, ни с чем внешним не связанная, но зависящая лишь от чего-то внутреннего. Она зависит не от носа и его длины, а от этого чувства единого ритма биения двух сердец. Ритм этот может нарастать, достигать новых глубин, осваивать новые пространства. Секс может составлять его часть, но это не есть секс. Секс может появляться в нем, может

исчезать. Но это куда больше, чем секс.

Таким образом, не важно, стар твой возлюбленный или молод. Всякая женщина временами задается вопросом и временами задает такой вопрос своему любовнику: «А будешь ли ты все так же любить меня, когда я состарюсь?»

Я знаю от одного своего старого друга, поскольку он сам меня об этом спрашивал, что его возлюбленная постоянно задает ему один и тот же вопрос: «Будешь ли ты любить меня старой?» Он спрашивал меня, что ей на это ответить.

«Зачем ты меня в это втягиваешь? — спросил я. — Это твое личное дело. Что хочешь, то и отвечай. А кстати, что ты чувствуешь?»

«Я не смогу любить ее, если она станет такой же, как ее мать, — ответил он. — А скорее всего, она именно такой и станет. И это единственное, чего я боюсь.»

«Ну так и скажи ей: «Твоя старость не имеет никакого значения. Но вот если ты станешь такой, как твоя мать, то уж прости, пожалуйста, я никак не смогу тебя любить.»

«Но тогда все кончено! Ведь все зависит от ее матери, а она придет в бешенство. Я пытаюсь ее уломать. Отца уже нет в живых, и все решает она. Да потом и девушка разозлится: ведь она тоже понимает, что станет такой же, как мать. Все симптомы уже налицо.»

«Ну, тогда помалкивай, — ответил я. — А когда придут трудные времена, снова обратишься ко мне.»

«Но девушка так настаивает, — возразил он. — Ей обязательно нужно знать это до свадьбы.»

«Все очень просто, — ответил я. — Ты начни ее спрашивать, будет ли она любить тебя, когда ты состаришься.»

«Отличная идея. Ведь я буду точно как мой отец, а она его терпеть не может, как и я ее мамашу. Правильно!» — обрадовался он.

Он так и спросил, и девушка ответила: «Ну уж нет! Если ты станешь таким, как твой папаша, забудь о моей любви. Я разведусь с тобой немедленно.»

«Ну ладно, настанут трудные времена, тогда и будем думать. Сейчас-то зачем задавать все эти вопросы?»

Но вся ваша любовь зависит от таких мелочей, как форма носа и глаз, цвет волос, пропорции тела. С любовью это ничего общего не имеет.

Любовь — это чувство гармонии, соответствия с индивидуумом.

Таким образом, не только во взаимоотношениях мастер — ученик, но и в любых других ваших взаимоотношениях, если вы будете ждать возникновения гармоничного момента и наблюдать, вы увидите, что произойдут вещи, которые вы никогда не сумели бы сделать самостоятельно. И множество цветов, множество стихов и песен — все это возможно. Множество звезд рождается из гармонии, ожидания и alertности. Все случится, нужно только быть осознающим.

Как часто все происходит, а вы этого не осознаете. Из-за своей сонливости вы упускаете то, что вам нужнее всего.

Мое учение основано на том, чтобы все шло, как оно идет. То, что происходит лишь посредством действия, — это мирское. Я не противник этого, но это не является сущностной частью вашей жизни.

Если вы хотите жить в красивом доме, вам его необходимо построить. Сам собою он не возникнет. Будь вы приверженцем «Христианской науки» или теории «Думай и богатей», это вам не поможет. Суть не в этом.

Суть — это... любовь, наслаждение, жизнерадостность, чувство юмора, мир, воцаряющийся в душе с пониманием, путешествие вглубь себя... В этом суть, и это нельзя сделать. Можно

только учиться и позволить этому прийти.

Так что уясните себе: надо делать то, что должно быть сделано, и позволять случиться тому, что случается. И никогда не путать одно с другим.

И помните: суть в том, что происходит само собою; то, что мы делаем, не носит сущностного характера. Ваши действия не таят ничего священного.

Вот почему я говорю, что все храмы и все церкви, все статуи Бога, созданные руками человеческими, — это мирское. Сделанное человеком не превосходит его. Здесь очень простая арифметика: то, что превьше человека всегда случается: он не может этого сделать.

Будьте всегда воспринимающим. Для этого нужно только быть открытыми, восприимчивыми, исполненными благодарности к бытию.

Вопрос 5

Любимый Бхагван,

Присутствие на Ваших лекциях наполняло, меня чувством такой глубокой умиротворенности, будто бы я обретал наконец все то недостающее, по чему всю жизнь тосковал. Трудно передать, как тосковал я о том блаженном времени, оказавшись снова на Западе. Как мог я забывать блаженство пребывания в Вашем присутствии? Прошу Вас, объясните.

Человеческая память не очень совершенна. Она легко предает забвению. Я приведу всего несколько примеров. Все вы когда-то были детьми. А насколько хорошо вам запомнилось это состояние невинности? Психологами фактически установлено странное явление: путешествуя в прошлое по лабиринту памяти, вы можете пройти только до четырех, в лучшем случае, трехлетнего возраста. Но ведь именно эти три-четыре года в самом начале вашей жизни были самыми прекрасными: никакой ответственности, волнения, напряжения. Жизнь, подобная мечте, исполненная чистейшей радости. И тем не менее люди ее не помнят. Странно, однако, что именно у этой черты человеческая память останавливается.

Похоже, мы не помним лучшее в своей жизни. Возможно, в этом кроется некая стратегия биологии; ведь если бы мы могли помнить об этом, то тосковали бы всю оставшуюся жизнь. Воспоминания о наиболее чудесных моментах рождали бы тоску, делая окружающий теперь мир скучным, серым, мертвым. Мир, в котором уже не отыскать того блеска, той радости и той жизни. Возможно, наша память не фиксирует эти прекрасные моменты, следуя некоей биологической стратегии. И даже в последующие годы...

Вы удивитесь, когда узнаете, как странно функционирует память. Она моментально фиксирует все неприятное. Кто-то вас оскорбил — и вы уже всю жизнь этого не забудете. Так много людей вас уважало — не помните. Один-единственный человек оскорбил, и запомнился навсегда. Похоже, память отдает предпочтение всему гадкому, темному, унижительному, трагическому. А все хорошее и красивое просто забывается, не отягощая память следами.

Этим пользовались политики. Этим с самого начала пользовались жрецы и священники в целях порабощения человечества.

Говорят, для демократии требуются две партии. Но демократия тут ни при чем. Две партии нужны совсем для другого: они необходимы психологически. Одна из партий правит на протяжении пяти лет и за это время успевает настроить всех против себя: ведь она пообещала рай, но, позабыв о своем обещании, превратила жизнь в ад.

Тогда партия, находящаяся в оппозиции, начинает вас провоцировать: «Где же все обещания этих людей? Вот мы бы свои выполнили.»

И на следующих выборах партия, находившаяся у власти, теряет ее, а другая подхватывает. За пять лет она тоже себя дискредитирует. Но этих-то пяти лет как раз и хватает на то, чтобы все забыли предыдущую партию. Она снова обещает рай, и все верят этим обещаниям.

Установлено, что общественная память исчерпывается пятью годами. Вот почему выборы назначаются раз в пять лет — это единственная причина. Таким образом за пятилетний срок народ забывает всю преступность, глупость и лживость первой партии, и она снова обретает ореол святости.

Вот для чего требуются две партии. Одной из них должно быть тяжело: ведь если она будет постоянно пребывать у власти, вы не сможете ее простить. Начнутся революции, убийства власть имущих. Так что найден очень искусный психологический метод удовлетворить народ:

«Не волнуйтесь! Вот еще два годика и эта партия слетит, придет новая.» А это одного поля ягоды.

Никогда в своей жизни я не участвовал в голосовании по той простой причине, что не находил никакой разницы между двумя идиотами; мне было трудно решить, кто из них меньший идиот, поэтому я в это даже не ввязывался. По крайней мере никто меня не сможет обвинить: «Ты избрал идиотов.» Я ни-когда и никого не избирал. Ведь кого бы ты ни избрал, это будет плохой выбор.

Взять хотя бы Индию сорок лет назад: кого бы вы ни выбирали и ни перевыбирали, выбор всегда оказывался плохим, поскольку эти люди друг друга стоили. Здесь как в футболе: две команды, две группы играют друг с другом в футбол, а вы футбольный мяч, и со всех сторон вас бьют ногами. Куда бы вы ни полетели, получите крепкий удар.

Вы спросите меня, откуда эта тенденция забывать прекрасное. А это естественно, поскольку память не интересуется цветами, она интересуется колючками. Она немедленно берет на заметку все, что рождает боль.

Кому есть дело до цветка? Вы помните своих врагов лучше, чем друзей. Вы только понаблюдайте за своей памятью — вы поразитесь: врагов вы помните лучше друзей. Можно забыть друга, но только не врага.

Вот такое невинное свойство памяти.

Более искушенной памяти присущ противоположный взгляд на вещи: она будет фиксировать все блаженное, красивое, наполняющее благодарностью. Соответственно и жизнь такого человека будет исполнена блаженства и самых красивых переживаний.

Это только вопрос изменения маленькой структуры своей памяти.

Я всегда любил рассказывать истории.

Это случилось в синагоге, которая являлась также монастырем для евреев, а ее верховный раввин славился суровостью. Два молодых еврея прогуливались по монастырскому саду. Как правило, этому посвящались один утренний и один вечерний час. Остальное же время отводилось изучению писания и другим дисциплинарным занятиям. И оба они думали об одном и том же: «Не спросить ли у раввина разрешения покурить в саду?» Ведь оба они были заядлые курильщики, а в монастыре и в синагоге нечего было и думать о курении. Это было просто преступлением.

Оба мучились, и поэтому решили рискнуть сунуть руку в пасть тигра и сделать хотя бы одну попытку. Ведь верховный раввин был человек опасный, и одному Богу было известно, как он отреагирует.

На следующий день один из них вышел из синагоги со слезами на глазах, расстроенный и злой. И вдруг увидел, что второй сидит под розовым кустом — и курит! «Господи, неужели ты закурил без спросу?» — воскликнул он.

«Нет же, я спросил», — ответил тот.

«Да что же это за человек! — возмутился первый. — Я тоже у него спрашивал, а он как на меня разорется: «Ах ты мерзавец! Тебе синагога ад, что ли? Если тебе охота курить, убирайся в ад.» Как же он тебе-то позволил?»

«А как ты сформулировал свой вопрос», — спросил тот с улыбкой.

«Да какая разница?» — удивился первый.

«И все-таки, как?»

«Ну, я просто спросил...» А эти два часа в день назывались «часами молитвы». И для молитв монахов на два часа отпускали в сад. «...Я просто спросил, нельзя ли мне покурить во время молитвы. А он так заорал, что, казалось, вот-вот меня ударит!»

«Успокойся, ты просто неправильно задал вопрос. Я тоже его спросил: «Сэр, можно ли мне

молиться, когда я курю?» На что он ответил: «Конечно, в этом нет никакого вреда.»

Маленькое изменение, а разница огромна.

Начните запоминать то прекрасное, что случается с вами. А это случается с каждым. А плохое, не стоящее того, чтобы об этом помнить, не запоминайте. Зачем отягощать себя всякой гадостью, когда можно наполнить себя цветами и ароматом? Вам следует чуть-чуть изменить естественную, биологически обусловленную природу своей памяти.

С этим можно легко справиться посредством медитации.

Одно из насущных свойств медитации заключается в концентрации на положительной стороне явлений, людей и происходящего. Так что вы оказываетесь окружены только прекрасным.

А в окружении одного прекрасного легче расти.

Однако человек забавно устроен... Вы можете тысячу раз облагодетельствовать его и лишь раз причинить зло — и зло он запомнит, причем на всю жизнь.

Так люди и живут: исполненные мстительности, злобы, отчаяния, чувства отверженности, ощущая себя изгоями бытия. А все дело в том, что они просто не то запоминают.

В жизни хватает как того, так и другого.

Можно смотреть на день как на нечто заключенное между двумя ночами, а можно — как на то прекрасное, чем с двух сторон окружена одна маленькая ночь. Вы должны сделать выбор, где вам больше нравится себя ощущать, в раю или в аду. Это ваш выбор.

**ТРИ ИНИЦИАЦИИ: ИЩУЩИЙ, УЧЕНИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ.**

14 октября 1986 г., Бомбей

Вопрос 1

Любимый Бхагван,

Правда ли, что объединение с мастером есть инициация? Слово «инициация» исполнено глубокого значения. Существует три степени инициации: первая, когда ищущий становится учеником; вторая, когда ученик становится посвященным; и третья, когда посвященный растворяется в мастере.

Для того чтобы разобраться в этом процессе, необходимо понять все три ступени.

Каждый начинает с уровня ищущего, который пытается разобраться в жизни и преисполнен любопытства к окружающим его тайнам. Но стремление, которое он при этом испытывает, — это стремление к знаниям. Следовательно, оно поверхностно. Ведь это лишь стремление к знанию, присущее уму. А ум относится к периферии нашего бытия и являет собой лишь наиболее поверхностный уровень нашей индивидуальности. У ищущего есть вопросы, но нет поиска. На его вопросы легко находят ответы, и он ими легко удовлетворяется: ему довольно и заимствованного знания. Пока ему нужен не мастер, а только учитель.

Он накапливает ответы, становится интеллектуалом, однако интеллигентом не становится. Ответы накапливаются лишь памятью его ума, а это механическое накопление, ничего общего не имеющее с интеллигентностью.

Можно встретить весьма образованных, культурных и утонченных интеллектуалов, живущих самым неинтеллигентным образом. Они великолепно отвечают на вопросы, к которым готовы. Но когда жизнь ставит перед ними иные вопросы, и они к ним неподготовлены, они полностью теряются и проявляют себя куда большими невеждами, чем кто-либо другой. Но проблема в том, что жизнь продолжает предлагать новые вопросы и новые сражения. Память незаменима на рынке; но это не самый удачный стиль жизни. А все ваши университеты обучают вас лишь запоминать. Замечено, что люди с невероятной памятью, как правило, неинтеллигентны.

Вот один весьма поучительный исторический факт из жизни одного британского вице-короля, Керзона.

Керзон услышал, что в Раджпутане живет человек, обладающий невероятной памятью. Говорил этот человек только на своем местном диалекте, Раджастан, диалекте языка Хинди. Никакого другого языка он не знал. Но это не мешало ему запоминать любое изречение на любом языке. Это казалось сверхчеловеческим даром. Он был призван ко двору вице-короля Керзона, и ему устроили особый прием: тридцать ученых, знающих тридцать языков, собрались, чтобы испытать память этого человека. Но среди этих тридцати не было ни одного, кто бы понимал его родной язык, таким образом, все эти тридцать языков были для него иностранными.

И все это было так странно организовано: подобного никогда не случалось прежде и, я думаю, никогда больше не повторится. Несчастный крестьянин из Раджастана должен был выслушивать по одному слову от каждого из тридцати ученых на его родном языке. Крестьянин подходил к одному из них, тот говорил ему первое слово из своего предложения. Затем раздавался звон колокола. После чего крестьянин переходил к следующему, и тот давал ему свое первое слово. Таким образом он должен был обойти всех тридцати ученых, а затем снова вернуться к первому из них за вторым словом его предложения... И после каждого слова — сбивающий колокольный звон.

Сами ученые, не будучи уверены в своей способности так долго держать в памяти

собственные предложения, держали их написанными перед собой и вычеркивали каждое сказанное слово. А крестьянин все переходил и переходил от одного к другому, запоминая произносимые ими слова и откладывая в систему своей памяти предложения, которые они давали ему по частям. После того как все тридцать ученых дали ему тридцать предложений, он повторил их, все тридцать, на тридцати языках, о которых не имел ни малейшего представления, равно, как и об их смысле. Абсолютная правильность, с которой он это проделал, привела в замешательство всех интеллектуалов. Они своих собственных предложений не могли удержать в памяти и вынуждены были их записывать. Они даже не помнили, какое слово уже дали, пятое или шестое, и поэтому вычеркивали слова. А этот необразованный мужик... Да он и писать-то не умел!

Керзон был поражен. Крестьянин был удостоен его похвалы и награды.

Но из разговоров с его односельчанами выяснилось, что он был идиот. С точки зрения способностей своей памяти он был поистине велик, но стоило малейшему вопросу или проблеме возникнуть на его жизненном пути, как он оказывался не в состоянии с этим справиться. В деревне его прозвали «великим идиотом-интеллектуалом».

То, что ищущий интересуется накоплением информации, — факт, и к тому же широко известный. На его вопросы легко найти удовлетворяющие его ответы. Его ум работает, как компьютер. Но однажды ищущий попадает в ловушку мастера. Не то чтобы он искал мастера; ему еще невдомек, чем мастер отличается от учителя: в словаре ведь оба понятия толкуются одинаково. Однако на самом деле учитель просто передает знания от поколения к поколению; знания, не являющиеся его личным опытом. Мастер занимается не этим. Он передает то, что сумел сам осознать.

Но с момента, как ищущий попал в ловушку мастера, ему уже весьма непросто выбраться оттуда, поскольку вскоре выясняется, что чистые знания и познание не одно и то же. Вопросы и поиск не одно и то же. Вопросы — это лишь проявление любопытства. Поиск — это риск, это паломничество. Для удовлетворения вопроса достаточно логического, рационального ответа. Но не для поиска. Поиск подобен жажде. Вы можете сколько угодно повторять, что H₂O — это вода, однако это не утолит вашей жажды. Как ответ это абсолютно верно. И если кто-нибудь задаст вопрос: «Что такое вода?» — вам будет очень легко ответить на него таким образом. Однако, если кто-то спрашивает о воде, испытывая жажду, ваше H₂O не поможет. Потребуется настоящая вода. Поиск подразумевает жажду, голод. И никакое заимствованное знание не в силах его удовлетворить.

И постепенно мастер дает ищущему понять, что если он действительно человек, то любопытство для него — лишь детская забава. Возмужание требует от человека отправиться на поиски, а не просто приобретать знания. И ему необходимо отыскивать пути и средства к собственному знанию, а не то, что передается из поколения в поколение. Кто знает, кто его изобрел, не вымысел ли это, осознано ли оно кем-либо самостоятельно и как много от этого знания сохранилось при передаче, как много было добавлено или выброшено в результате редакции. Познание означает: «Я хочу приобрести личный опыт.»

У подлинного искателя нет вопросов — одна лишь невероятная жажда.

И вот первая инициация: мастер перемещает фокус сознания ищущего со знаний на познание, с памяти на понимание. Это явление необычное и случается лишь с немногими счастливыми.

Миллионы людей на протяжении всей своей жизни так и остаются на незрелом уровне детского любопытства. Но с момента смещения акцента от знаний к познанию вас более не интересует прошлое — вас интересует настоящее. Теперь вас интересуют не великие философы и мудрецы, а ваше собственное сознание. Впервые вас интересуют не окружающие предметы, а

ваше, субъективное: некто иной, тот, кто хочет знать. Кто же он, желающий знать?

Такова первая инициация: ищущий погибает, рождается ученик. При второй инициации ученику тоже предстоит исчезнуть, чтобы уступить место посвященному.

Ученику все еще интересно изыскивать методы, способы, дисциплины, которые способствовали бы его самопознанию. Он прибегает к помощи мастера и, следовательно, ему благодарен. Но последней инстанцией является он сам, мастер — это лишь средство, которое он использует для того, чтобы прийти к себе. По мере его сближения с мастером, последний подводит его ко второй инициации. А она заключается в том, что невозможно познать себя, не избавившись от одержимости самостью. Таким образом, возникает противоречие. Твоя собственная одержимость мешает тебе. Мешает эгоизм. Требуется отбросить эго, поступиться им, забыть себя. И как только ты забудешь себя, ты себя обретешь. На пути от знаний к познанию ищущий никогда собой не интересовался. Его интересовали предметы, объекты, весь окружающий мир. И первая инициация открыла ему новый мир — мир интереса к себе.

Вторая — забрала у него эго. Вторая инициация учит любви. Поскольку самопознание — лишь побочный продукт. И если ты способен любить, тебе нетрудно будет себя познать. Только светом любви можно уничтожить свою внутреннюю тьму. Любовь есть свет, а пламени любви кто-то должен научить.

Мастер преисполнен любви. Само его присутствие — любовь. И слова уже не нужны... лишь одно его присутствие, и вы почувствуете определенное притяжение, любовь, доверие. При этом вы не знаете, что это за человек, можно ли ему доверять или нет. Но вы готовы рискнуть. Само присутствие мастера настолько убедительно, что доказательства или аргументация становятся излишни.

Раньше я преподавал в университете. И каждый раз в День Учителей университетские профессора устраивали закрытую встречу для обсуждения проблем, с которыми они сталкиваются. И каждый год наиболее остро стояла проблема неуважения к ним со стороны студентов. Когда я впервые оказался на таком собрании на первом году своего преподавания в университете, все там обвиняли студенчество, современное состояние общества. Запад, словом, все, что отнимало у них законное уважение. А один очень уважаемый пожилой профессор, декан факультета изящных искусств, сказал: «Какой позор, и в особенности для страны, знавшей таких студентов, как Экалавья.»

Чтобы вам стало понятнее, я поведаю вам одно старое индийское предание.

Жил-был один великий мастер по стрельбе из лука, и звали его Дроначарья. Принцы, богачи, индусы высших каст и воины приходили из далеких дворцов поучиться у него стрельбе из лука.

Индийское общество делится на два класса. Это наиболее уродливое деление из всех существующих в мире. И существует оно уже на протяжении пяти тысячелетий. На одну четверть населения Индии человеческое отношение не распространяется. Они именуются шудрами, теми, кого нельзя касаться. Они не заслуживают даже прикосновения. Если ненароком вы коснулись шудры, вам следует немедленно помыться и принять душ. Нельзя касаться не только шудры, но и самой его тени. Если мимо вас прошел шудра и задел вас своей тенью, вам надлежит искупаться.

И вот этот молодой человек, Экалавья, был рожден шудрой. Но ему захотелось стать стрелком из лука, и он начал учиться этому самостоятельно. Старшие сказали ему, что всякий учитель от него отвернется, и он это прекрасно знал.

«Прежде чем я предстану перед учителем, — говорил он, — я выучусь столь многому, что для него будет практически невозможно мне отказать.» И он тренировался самостоятельно. И когда наконец решил, что умеет достаточно, то отправился к величайшему стрелку из лука того времени, Дроначарье.

Дроначарья был поражен, увидев, сколь многими навыками и в каком совершенстве смог овладеть этот юноша самостоятельно. И все же Дроначарья был брамином, то есть принадлежал к высшему индусскому сословию, и в силу этого никак не мог принять Экалавью в ученики. Он ответил юноше отказом.

Но Экалавья был не из той глины, что обычные люди. Он удалился в лес, где вылепил статую Дроначарьи. И самостоятельно продолжал свое обучение прямо перед этой статуей. Вскоре по всей округе прошел слух, что Экалавья стал мастером стрельбы из лука, научившись этому у статуи Дроначарьи.

Дроначарья стремился, чтобы один из его учеников, принц Арджуна, который был прекрасным стрелком, сделался величайшим стрелком в истории человечества. Но этот Экалавья мог все испортить, поскольку становился более знаменит.

И тогда Дроначарья отправился в лес...

В этом-то и соль. Именно поэтому декан факультета изящных искусств и упомянул имя Экалавьи.

Ведь он был отвержен Дроначарьей. Любой обычный человек почувствовал бы себя оскорбленным, униженным. А тот, напротив, создал статую Дроначарьи — ведь он избрал его в качестве своего мастера. И не важно, принял ли его Дроначарья в качестве ученика. Ему пришлось его принять. Дело было лишь в том, насколько глубоко было его восприятие Дроначарьи в качестве мастера.

И когда Дроначарья пришел, он пал к его ногам. И тогда Дроначарья увидел, чему он сумел обучиться. Безусловно, Арджуне было далеко до него. Стало ясно, что тайная амбиция Дроначарьи не сможет осуществиться: Арджуне не стать уже величайшим стрелком. И вот этот человек, который отверг Экалавью, сказал ему:

«Ты учился перед моей статуей. Ты принял меня как мастера.»

«Я всегда думал о Вас как о своем мастере, хоть Вы и отвергли меня, — отвечал Экалавья. — Я не придавал Вашему отказу ни малейшего значения.»

«Что ж, я принимаю тебя в свои ученики, — сказал Дроначарья. — Но тогда тебе необходимо оплатить обучение. Каждый ученик платит мастеру за обучение, ты же не внес даже начальной платы, а уже стал таким великим стрелком.»

«Я отдам Вам все, чего бы Вы ни попросили, — отвечал Экалавья. — Я могу отдать свою жизнь. Вы мой мастер и стоит вам только приказать. Но я бедняк, так что просите лишь то, что у меня есть.»

«Да-да, я попрошу только то, что у тебя есть, — согласился Дроначарья. — И это будет большой палец на твоей правой руке. Ты должен отрезать и отдать его мне.»

Это безобразная история. Дроначарья рассчитывал на то, что, как только Экалавья лишится большого пальца на правой руке, конец придет и его карьере стрелка и он более не будет соперником Арджуне. И лишь ради его большого пальца Дроначарья и согласился принять его в ученики.

А Экалавья, не проронив ни слова, просто вынул меч и отсек себе палец. Он отдал его мастеру со словами: «Если Вам еще что-нибудь потребуется, скажите мне.» Пусть в вашем багаже всегда будет эта история. «И эта страна, рождавшая таких учеников, как Экалавья, который мог уважать мастера, подобного Дроначарье, отвергшего его и оскорбившего, пала столь низко, что студенты вовсе потеряли уважение к учителям. С этим необходимо что-то делать.»

Я был совсем новичок, и это была моя первая встреча с профессурой всех отделений. И мне пришлось встать и ответить пожилому профессору: «Вы затронули несколько вопросов. Первый из них: это, конечно же, страна таких студентов, как Экалавья. Но не стоит забывать и о том, что

это страна таких учителей, как Дроначарья, — ужасных, хитрых и бесчеловечных. Трудно представить себе более бесчеловечный поступок, нежели тот, что он совершил. Как можете вы забывать об этом? »

«Сначала вы отвергаете юного бедняка только потому, что он осужден на неприкосновение. А потом, когда он добивается всего сам, вы изъявляете желание принять его в качестве ученика, причем в лесу, где никто не может увидеть происходящего. И это тоже неспроста: вы хотите искалечить ему правую руку с тем, чтобы погубить его искусство стрелка. И тогда ваша амбиция сделать из Арджуны величайшего стрелка в мире сможет реализоваться.»

«Вам не следует забывать, что именно из-за таких учителей, как Дроначарья, учителя Индии утратили свой авторитет, — сказал я. — Вы представляете Дроначарью. Так на каком же основании вы хотите, чтобы студенты вас уважали?»

Бессознательно вы упомянули Экалавью. Что касается меня, я не понимаю... У меня тоже есть студенты, я новый профессор. Но ни одного из своих студентов я не смог бы обвинить в неуважении ко мне. Я люблю их и уважаю. А любовь отзывается в других любовью, уважение порождает уважение окружающих — это явление резонанса. Будь я на месте Экалавьи, я бы Дроначарье голову отрезал. Именно этого он и заслуживал.»

Профессор пришел в такое замешательство, что весь затрясся.

«Вы присядьте, а то вы весь дрожите. И если с вами случится сердечный приступ или что-нибудь в этом роде, мне придется за это отвечать, — посоветовал я. — Сядьте, прошу вас. Я не собираюсь отрезать вам голову. Хотя вы, пожалуй, заслуживаете такого же отношения. Вы требуете студентов, подобных Экалавье. А как насчет учителей?»

Мастер — это не учитель. Он любит. Вернее сказать, он сама любовь. Он уважает. Вернее сказать, он само уважение.

И естественно, вокруг него создается гравитационное поле любви, уважения, благодарности. И в его гравитационном поле случается вторая инициация.

Ученик теряет интерес к самопознанию. Его интересуется лишь растворение в мастере, пребывание в гармонии с ним. И в день, когда эта гармония достигает своей вершины, ученик исчезает, и рождается посвященный.

Посвященный отстоит от ученика на многие мили. Это путешествие требует поистине революционных преобразований. Посвященный идет по кромке... и жизнь его недолга. Самая долгая жизнь — это жизнь ищущего. Посередине находится ученик. Жизненное же пространство посвященного очень мало.

Это подобно капле росы на цветке лотоса, сверкающей в лучах восходящего солнца, медленно-медленно соскальзывающей навстречу солнцу в океан. Капля росы — это лишь тот короткий промежуток времени, который требуется для соскальзывания с листа лотоса в океан. Жизнь посвященного коротка, очень коротка, поскольку познавшему гармонию не терпится познать и единство. Ждать просто невыносимо. Капля росы стремительно скатывается в океан и сливается с ним. Это можно выразить двумя способами. Но удалось это только Кабиру, одному из величайших мистиков Индии. Когда он впервые в жизни погрузился в океан, то написал следующее: «Я искал себя, но, друг мой, вместо того чтобы обрести себя, растворился в океане. Капля росы исчезла в океанских водах.»

Почти двадцать лет спустя, на смертном одре, он спросил своего сына Камала: «Принеси сделанные тобой записи моих изречений. Прежде чем я умру, мне хотелось бы там кое-что поправить.»

«Однажды я сказал, что капля росы растворилась в океане. Это нужно изменить. Напиши: «Океан растворился в капле росы.»

Слова его необычайно прекрасны. Первоначальное изречение звучит так: «Herat herat hey

sakhi rahya Kabir herayi; bunda samani sa-munda men so kat heri jayi.» А второе: «He rat herat hey sakhi rahya Kabir herayi; samunda samana bunda men so kat heri jayi.» В первом случае капля росы растворилась в океане, во втором — океан в капле росы. Возможно, две стороны одной медали...

Это третья инициация, и лишь после нее происходит воссоединение, поскольку возникает союз, где нет места никаким разграничениям, обретается единство. Мистик начинает свой путь в качестве ищущего и заканчивает его в качестве мастера; начинает как капля росы и заканчивает, став океаном.

Вопрос 2

Любимый Бхагван,

Чем ближе к Вам я пребываю физически, тем более теряюсь в Вашем присутствии и забываю о том человеке, которым сам себя считаю. Такое чувство, что от Вас исходит некая магнетическая энергия и с силой меня к Вам притягивает. Что же происходит?

А происходит то, что и должно происходить.

Когда вы оказываетесь в моем присутствии, приближаетесь ко мне, вы уже не можете сохранять свою личность неприкосновенной. Вы не можете одновременно сохранить и свою личность, и мое присутствие. Если вам нужна ваша личность, вам придется потерять мое присутствие; если мое присутствие, придется поступиться личностью. Но что есть ваша личность? Вы никогда об этом не задумывались? Она состоит из всевозможных несчастий, треволнений, разочарований, ночных кошмаров. Это ваш ад.

Вы никогда не задумывались над простым феноменом: почему испокон веков человечество так тянет к наркотикам? В Ригведе, древнейшей книге мира,.. даже так называемые ведические пророки интересовались одним наркотиком, именуемым сомра. Один из интеллигентнейших представителей сего века, Олдос Хаксли, будучи превосходно знаком с Востоком, в особенности с мистиками Востока, кончил тем, что начал экспериментировать с ЛСД. Он писал, что в будущем столетии наиболее совершенный вид ЛСД будет именоваться «сомра» в память о сомрах, упоминающихся в Ригведе.

Он был абсолютно убежден, что ЛСД подошли очень близко к сомрам. И возможно, в этом он прав, поскольку ведические пророки риши, испив сомрасы, сока дерева, именуемого сом, описывали свои переживания и то, что с ними происходило... в какой глубочайший покой они погружались, какую безмятежность и какую радость. И все их переживания соответствуют описанным Олдосом Хаксли после его первого путешествия при помощи ЛСД.

Все культуры и религии осуждали алкоголь, опиум, гашиш, марихуану, но, похоже, их осуждение не возымело успеха. Человечество по-прежнему принимает наркотики, не утруждая себя вопросом, почему оно это делает, сколько бы мудрецов ни выступало против этого. И что еще более странно, многие из тех самых мудрых противников наркотических средств прибегают к ним сами тем или иным образом.

В одной стране марихуана может быть запрещена, гашиш и ЛСД — тоже, а алкоголь не запрещен. А ведь последний куда опаснее, чем первые три. Почему же он не под запретом? Но ведь Иисус пил спиртное. И Христианство уже не может наложить на него запрет, а иначе Иисус будет объявлен преступником, и не просто преступником: он ведь еще и воду превращал в вино.

А те страны, которые пытались... Индия, к примеру, не будучи страной христианской, пыталась наложить на алкоголь жесткий запрет. Но из этого ничего не вышло. Запрет только ухудшает дело. Люди начинают заниматься самостоятельным изготовлением спиртного в домашних условиях. И тысячи людей умерли в результате отравления, поскольку не ведали, что пьют. Алкоголь стал предметом подпольной торговли, и люди не имели представления, как он был приготовлен. В конце концов приходилось снять запрет.

И вот что важно понять: все люди, выступавшие против законов, правительств и религий, продолжая употреблять наркотики, аргументировали это желанием забыть собственную личность. Ведь личность эта столь болезненна, столь уродлива, что они готовы прибегнуть к любым нелегальным средствам, лишь бы забыть о ней на пару часиков.

Действие возбуждающих наркотиков доказывает лишь одно: человек как ординарная

личность обречен влачить свои дни в отчаянии. И ему хочется хоть на пару часов отключиться от своих тревог, тревог и проблем. А другого выхода у него, похоже, нет. Для чего же вам защищать свою персону? Ваша персона — это ваша проблема.

И если вы достаточно сознательны и вам удалось найти некое присутствие, в котором персона ваша начинает таять и исчезать, причем без каких бы то ни было интоксикаций и наркотиков, то может ли быть большее благословение? Позвольте своей личности исчезнуть, ведь она вам только в тягость, она приносит лишь мучения и боль, делающую бессильными любые лекарства.

«Как вы думаете, Амрито, есть ли какие-нибудь лекарства от боли в шее, отягощенной такой обузой?» — спрашиваю я своего лечащего врача, толкового специалиста, члена Английского Королевского Общества. «Я, признаться, о таких не слышал.»

Позвольте персоне исчезнуть, испариться.

Исчезновение вашей персоны — это не ваше исчезновение, помните об этом. Напротив, это ваше появление. По мере исчезновения вашей персоны умирает ваша личность и рождается индивидуальность.

Личность — признак лицемерия.

Стать индивидуальностью — право, получаемое вами при рождении.

Функция мастера в том и состоит, чтобы забрать все не ваше и оставить лишь то, что присуще вам экзистенциально.

Понимаю, звучит это страшно. Вы уже столько прожили со своей личностью, так сроднились с ней, просто-таки идентифицировались. И когда она начинает исчезать, появляется страх: «Что со мной? Неужели я исчезаю?»

Нет, истинное в вас не исчезнет, исчезнет лишь фальшивое. Так что мужайтесь.

Когда личность вас оставит, проститесь с ней навсегда... «Более не возвращайся. Поищи кого-нибудь другого; столько людей вокруг.» Поскольку встречаются люди не столь бедные, чтобы располагать всего лишь одной личностью. Они многолики: одна личность предназначена супруге, другая любовнице (тут уже той же самой не отделаться). Таким образом, они непрерывно меняются, почти автоматически.

Георгий Гурджиев, один из величайших мастеров нынешнего века, прибегал к некоторым техникам. С помощью одной из них он заставлял вас осознать собственную личность. При этом он был такой мастер, что вы могли просто сидеть слева от него, а ваш друг — справа, и к одному он оборачивал гневное лицо, к другому — счастливейшее из лиц, исполненное мира и любви.

При обмене впечатлениями один говорил: «Что за человек. Он здорово меня напугал; все время злится.» А другой отвечал: «Брось! Он был сама любовь и все время улыбался.» И лишь впоследствии обнаружилось, что то была игра, результат высокого совершенства в умении менять личины и даже носить две одновременно. Гурджиев мог показать половину личности жене, а другую — любовнице! Длительные тренировки...

Однако в этом нет нужды. Одна у вас личность или много — все это хлам. Просто откажитесь от них и будьте лишь собою. Сначала вы можете почувствовать себя несколько неловко, ощутить некую обнаженность. И в определенном смысле это действительно так. Но вскоре вы поймете, сколь это прекрасно и невинно — оставаться просто самим собой.

Моего дедушки уже нет в живых. Мы очень дружили. Мы дружили только друг с другом из всех членов нашей семьи. Другие не находили с нами общего языка. Он был очень стар, но умел создавать другим проблемы. А со мною он был абсолютно счастлив.

Мы любили вместе ходить на реку, в храм, на общественные собрания. При этом он говорил мне: «Создавай побольше проблем. Поставь-ка этого лидера в тупик каким-нибудь вопросом.» Он был милейший человек. И его не стало. Вся семья горевала, люди плакали. Я зашел в

ближайший кондитерский и попросил продавца: «Дайте мне все лучшие сласти, которые у вас сегодня есть — целый лоток.» «Ты что, с ума сошел? — возмутился тот. — Ты разве не знаешь, что у тебя дед умер?»

«Это-то я и хочу отпраздновать, — объяснил я. — Знаете, мы были большими друзьями.»

«Я знаю, но твои отец, дядя и остальные прибьют меня. «Он негодяй, — скажут они, — но ты куда смотрел? Какие еще празднования?»

«Вы дадите мне сласти или хотите осложнений?» — поинтересовался я.

«Не надо никаких осложнений. Забирай конфеты. Но на твою ответственность», — сдался он.

«А я всегда отвечаю за то, что делаю», — ответил я.

К тому времени подошло несколько человек. И я сказал: «Все эти люди — свидетели, что я беру эти сласти под свою ответственность. Человек этот абсолютно ни при чем. Он даже пытался помешать мне, не ведая, что дед мой отправился на небо, и это стоит отпраздновать.»

Я уселся перед своим домом и принялся раздавать сласти. Собрались все члены моей семьи и начали выяснять, чем я занимаюсь.

«Просто праздную», — ответил я.

«Хорошенькое нашел время для праздников», — возмутились они.

«Если уж говорить начистоту, вы все рады-радехоньки, что старик отправился на тот свет. Кроме меня, никто об этом не горюет. Вы просто лицемерите.»

«Не поднимайте шума, — сказал им мой отец, — соберется народ. А когда собирается народ, парень всегда выходит победителем.»

«Делай, что хочешь, — обратился он ко мне. — Твой дед: хочешь праздновать — празднуй.»

Но все, кому я давал сладости, говорили:

«Сейчас не время!»

«Нет, время, — сказал я. — Вся семья, кроме меня празднует, изображая скорбь и проливая крокодильи слезы. Все это чепуха, я их слишком хорошо знаю. Они не могут позволить себе отпраздновать это событие только потому, что им не позволяет собственное лицемерие. Что ж, придется мне выполнить эту работу, хоть мне одному и горько — ведь это был мой друг. И все твердят, что он на небе — так почему не отпраздновать?»

Вот если бы он попал в ад, тогда я понимаю. Сидите себе с вытянутыми лицами и со слезами на глазах и не прикасайтесь пару дней к еде. И вообще поднимите как можно больше суматохи. Но если человек на небе, вам что, завидно? Празднуйте, радуйтесь.»

А поздно ночью отец мне сказал: «Весь день я думал, что, возможно, ты прав: мы были неискренни. Все мы почувствовали облегчение, поскольку этот человек создавал проблемы, всегда и во всем.»

В магазине его боялись. И если он приходил, посылали куда-нибудь в другое место. Ведь он начинал говорить покупателям: «Он обманывает вас, — и это о своем-то собственном сыне, — он обманывает вас. Эта ткань не стоит двенадцати рупий, она стоит восемь. И если вы немного подождете, я найду ее для вас за восемь рупий. А нет... Что ж, если у вас слишком много денег, выбрасывайте их.»

Так что все в магазине: и отец, и все мои дяди — старались отделаться от него. «Покупатель идет, отошли его куда-нибудь. Пусть делает, что ему хочется, только не здесь. Если он здесь останется, обязательно скажет правду.»

Если же я оказывался в магазине, то говорил покупателям: «Подождите немного. Сейчас придет мой дедушка, и вы получите ту же самую вещь на четыре-пять рупий дешевле.»

Таким образом, в магазине старались отделаться не только от деда, но и от меня. Стоило мне заглянуть в магазин, как меня отсылали на почту.

«Зачем вы меня так изматываете? — спрашивал я. — Я могу приносить вам почту каждый вечер. Но я не могу заниматься этим день напролет. Но стоило мне прийти — «Тут одна открытка, отнеси ее на почту.» Естественно, это был всего лишь трюк. Но я уходил, только когда в магазине появлялся дед: хотя бы один из нас должен был следить, чтобы покупателя не обманывали, не эксплуатировали.»

Потому отец и сказал мне: «Ты прав. Мы все испытываем облегчение, и слезы наши поддельны. Но ты слишком обнародовал это, раздавая сладости всему городу, говоря, что у всей твоей семьи праздник.»

«Раз я прав, не лучше ли вам сбросить маски? Даже перед лицом смерти собственного отца вы не можете отказаться от лицемерия. Когда же вы сделаетесь правдивы?» — ответил я.

Все ваши личины — лишь внешние прикрытия, скрывающие индивидуальность.

Так что прекрасно, если вы приближаетесь и чувствуете магнетическое притяжение. Не сопротивляйтесь. Помогайте себе. Позвольте умереть вашим личинам. Ибо смерть их подарит вам новую жизнь. И жизнь эта будет радостью, невинностью и блеском, нескончаемым танцем вашего сердца. Наберитесь мужества...

Не спрашивайте, что происходит. Позвольте этому произойти, и вы увидите. То, что я говорю вам, — ничто по сравнению с тем, что произойдет с вами. Это будет в тысячу раз прекраснее.

Вопрос 3

Любимый Бхагван!

Я так Вас люблю! И все же, как так может быть, что столь многие вопросы, посещающие меня, являются отражением моей теневой стороны? Не хотелось бы надоедать Вам, но часто мне кажется, что именно эти вопросы и являют собой наиболее правдивую и аутентичную часть меня.

Латифа, о чем никогда не следует забывать, так это о том, что не следует судить, что есть тьма, а что есть свет; что правильно, а что неправильно, что есть добро, а что зло; поскольку, принимая на себя роль судии, вы начинаете подавлять. Вам не хочется обнаруживать то, что вы находите темным, злым, дурным. А это значит, что вы выбираете лишь половину себя, все равно, как если бы выбрали только день, отвергая ночь.

Но ночи присуща своя прелесть. Темнота ее по-своему прекрасна: в ней и глубина, и безмолвие, и безмятежность — звезды. День прекрасен по-своему, по-своему прекрасна и ночь. И то, и другое уникально и взаимодополняюще.

А вы старались задаваться вопросами, выглядевшими достойно, подавляя в себе те, что представлялись вашему суду как недостойные. Естественно, что так называемая положительная сторона вашей натуры постепенно истощалась, оставляя внутри лишь то, что, в соответствии с вашими суждениями, было дурно. И вот вы забурлили всей этой чернотой. Дням пришел конец, остались одни ночи. И вот вам очень страшно раскрыться: как бы кто не увидел, что в вас осталась лишь чернота. В то же самое время вы чувствуете, что чернота эта очень искренна и составляет вашу неотъемлемую часть. Да никакой неискренности тут и нет, все дело лишь в вашем суждении. Суждение — это одно из преступлений.

Мы судим и судим других, и то же делаем с собой. Мы судим собственные мысли, действия, что хорошо и что плохо, что следует делать, а что не следует — и вечно создаем конфликт и двойственность.

Здесь же, со мною вы создаете единство, великолепную гармонию дня и ночи, жизни и смерти. Гармонию всего, что представляется полярным. Вы создаете из этого целостность. И тогда, вынося в мир что бы то ни было, вы уже не будете чувствовать себя разоблаченным, поскольку это будет являть лишь вашу целостность.

Представьте себе розовый куст. Если он начнет беспокоиться по поводу собственных шипов и подавлять их, то истратит на это всю отпущенную ему энергию. И возможно, уже не сможет распуститься. А если и сможет, его розы будут ущербны, нежизнеспособны.

Но стоит вам принять, что шипы — неотъемлемая часть розового куста, как розы...

С детства я считал шипы на розовых кустах телохранителями роз — ведь в этом их защита. И берут они начало от того же корня. Это часть того же самого куста, в них текут одни и те же соки. Они братья и сестры, живущие в глубокой гармонии. Здесь нет места конфликту. Вы когда-нибудь видели розы, конфликтующие с шипами? А розовый куст, смущенный тем, что на нем растут шипы? Шипы по-своему красивы. Вечно судящий ум рождает страдание.

Но нас приучают судить. Мы судим даже тех, кто не имеет к нам отношение: тот человек плохой, а этот хороший. Да вам-то какое дело? Это не должно вас касаться. И если бы вы были знакомы с историей всего человечества, вероятно, вы смогли бы сказать, что то действие, что казалось вам плохим, было абсолютно неизбежно. Без него что-то осталось бы незавершенным.

Вы можете судить лишь о части, как если бы открыли роман на определенной странице. А вы пытаетесь судить по одной странице обо всем романе. Глупее ничего не придумаешь. Прежде

всего прочтите роман целиком.

Что же касается человеческой жизни, никто не может постичь одну-единственную человеческую жизнь целиком. Она столь быстротечна, спрессована в столь малый временной интервал... всего каких-нибудь семьдесят-восемьдесят лет, и так сложна и запутанна, что, если бы вам удалось увидеть ее целиком, вы не смогли бы назвать что-либо в ней плохим — это бы прекрасно вписывалось в ее целостность.

Да и кто мы такие, чтобы судить? Стоит разуму научиться судить, как он приучается к этому. И тогда вы начинаете заниматься непрерывным внутренним судом: это хорошо, а это плохо. И всегда стараетесь выставлять напоказ свою хорошую сторону и держать плохую при себе. И мало-помалу хорошая сторона становится столь проявленной, что всем надоедает. И в первую очередь вам самому. А плохую вы проявить не можете: она же плоха. Проявляйте свою целостность. Проявление лишь хорошей стороны неизбежно надоедает: слишком уж оно гладко. В комбинации же с вашими темными чертами это становится пикантно и куда более интересно.

Говорят, что «хорошие люди не живут». Вполне согласен с этим утверждением, кому бы оно ни принадлежало. Что может быть у хорошего человека? У плохого — жизнь!

Если вы целостны, ваши проявления будут живее, непосредственнее... Они уже будут не пресны и занудны, а удивительны. Причем удивлять вы будете не только окружающих, но и себя самого: «Господи, я, оказывается, и на это способен!»

Жить надо как можно целостнее. Только так можно жить, любить и хорошенько посмеяться напоследок. И не беспокойтесь о том, что хорошо и что плохо.

Вот Бог, к примеру, сотворил мир. Но, безусловно, не будь там места дьяволу, там бы вообще ничего не было. И хоть вся вера достается Богу, ее заслуживает и дьявол, убедивший Адама и Еву вкусить плод дерева познания.

Это первый революционер, первый мятежник, первый человек, привнесший в мир толику жизни. Не будь его, Адам с Евой все еще щипали бы травку на лугу. А что еще делать в райском саду? Бог запретил есть плоды дерева познания. А если не вкушать от дерева вечной жизни, что же останется? Знание под запретом, жизнь тоже: только и остается подобно быкам тихонько пощипывать травку.

Только по милости дьявола вы видите весь этот мир. Господь его не создавал. Созданный им мирок состоял лишь из Адама и Евы, пощипывавшим травку подобно животным. Все наше человечество, все эти великие люди, такие как Гаутама Будда, Иисус Христос и Моисей, Магомет и Махавира — вы бы о них никогда не услышали, когда б не дьявол. Необходимо знать, что этимология слова «дьявол» («devil», англ.) восходит к санскритскому корню dev, означающему «божественное» («Divine») Воистину он выполнил божественную работу Все сотворенное - результат тесного партнерства между Богом и дьяволом. Богу было бы не под силу сотворить одному: ведь он может создавать одно гладкое; не под силу и дьяволу он лишь революционер, а революционер иметь, против чего выступить. Бог нужен для возмущения дьявола, и вот возникает динамическое вращение, раскручивая колесо жизни и смерти, дня и ночи, хорошего и дурного

Помните, что жизнь состоит из противоположностей. И не пытайтесь судить. Просто проживите ее целиком, какой бы она ни была.

Я проповедую целостность, а вы все судите части. Части не имеют собственной ценности. Их личное растворяется в целом, подобно звучанию оркестра. Я сам никогда не судил, что хорошо, а что плохо. Ни на секунду не предавался подобным суждениям. Одно без другого невозможно. Если вы хотите жить, живите их совместностью. Те же кого эта совместность пугает, принимают за учителя: «Отвергните жизнь, бегите от нее, поскольку дурное в ней неизбежно. Что бы вы не делали, сколь бы ни совершали добро, вам не миновать зла вероятно,

удивитесь, узнав об одной Джайнисткой секте, Терапант, существующей в Индии. В Бомбее много ее последователей. Она отличается весьма логичной и, однако, странной идеологией. Упавшего в колодец не рекомендуется спасать. И если он будет кричать, а вы – находиться рядом с колодцем, и никого больше не окажется рядом, вам просто следует идти дальше своей дорогой, как будто ничего не происходит. Звучит странно. Философия не насилия... и вдруг вам предлагают пройти равнодушно мимо погибающего. И при этом приводят абсолютно нелепое обоснование, говоря, что если вы спасете этого человека, а завтра он кого-нибудь убьет, то и на вас будет лежать ответственность. А какие у вас гарантии, что он завтра этого не сделает? Так что уж лучше не вмешиваться.

Во-первых, раз он свалился в колодец, это, должно быть, наказание за некое зло, содеянное им в прошлом. А иначе с чего бы ему туда сваливаться? Во-вторых, если он получает наказание за свое действие, а вы этому препятствуете, стало быть, вы вмешиваетесь в великий закон действия. И наконец, если завтра он кого-нибудь убьет, вы разделите с ним ответственность за это преступление. Не лучше ли тихонько пройти мимо, не беспокоясь о происходящем?

Вот до каких взглядов доводит предельное развитие привычки человека судить. Не дай ни воды жаждущему, ни еды алчущему, ибо не ведаешь, что он собирается совершить. Если же дашь, то вмешаешься в ход его жизни: вдруг ему надлежало умереть? Ты же спас его своей водой и теперь поделишь с ним ответственность за все его деяния. Вроде и не делал ничего плохого; но жизнь не так-то проста, и это может обернуться для тебя злом. Звучит вполне логично, но очень бесчеловечно. Выглядит вполне рационально, но уж очень безжалостно, без тени любви.

Но такова логическая кульминация суждения. Я предлагаю вам отбросить суждение и прожить свою жизнь без этого, в ее целостности. К удивлению своему, вы обнаружите, что целостность ни плоха и ни хороша. Целостность трансцендентальна; она за пределами добра и зла.

Фридрих Ницше, единственный в истории человечества, написал книгу «За пределами добра и зла». И, на мой взгляд, он единственный проследил путь развития суждения до его логического конца. Подлинный человек должен жить за пределами добра и зла. Для него не должно иметь значения, что есть добро, а что зло. Он живет с интенсивностью и полнотой и делает все, что чувствует необходимым сделать и что позволено ему сделать настоящим моментом.

Тем не менее все религии и теологии, все святые только сидят и думают, что правильно, а что неправильно. Послушать их, так я жить невозможно: все выходит неправильно». Во всех писаниях мира я пытался найти хоть что-нибудь, что бы не было кем-либо запрещено. Но такого просто не существует:

тот или иной обязательно против этого выступает. Хотя тот или иной что-то поддерживает. И окончательный критерий, чтобы решить, что правильно, а что нет, просто отсутствует. Я и мои саньясины должны жить полнотой сердца проживая так день и ночь. Ничего не упуская.

Сделайте свою жизнь столь целостной, чтобы одно в ней дополняло другое и чтобы она была произведением искусства» прекрасным явлением.